

Ольга Покровская

Пока горит огонь (сборник)

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

Покровская О.

О. Покровская — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-87940-3

Катю предала собственная семья, но случайный человек, уже немолодой и бывалый, пришел на помощь и отправился с девочкой искать ее отца, о котором она не слышала с самого детства... В авторском сборнике Ольги Покровской представлены рассказы о человеческом тепле и чувстве, что помогает жить в самый сложный момент. Они о настоящем чуде. Ведь это чудо, когда двое перестают быть друг для друга чужими!

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-699-87940-3

© Покровская О., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Папа	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Покровская

Пока горит огонь (сборник)

© Карпович О., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Папа

Повесть

Чемодан стоял на кровати, разинув жадную пасть.

Мать ловко паковала вещи – скатывала льняные брюки рулончиком, складывала блузки по швам. Аккуратно завернула в пакет футляр с гримом – чтобы не протек на одежду. Катя сидела на подоконнике и с отсутствующим видом качала ногой.

За окном шумел пропыленной листвой двор спального района Москвы. Через дорогу смотрела наглухо закрытыми на лето окнами школа. По волейбольной площадке лениво гоняли мяч мальчишки. Соседние дома блестели на солнце кафельными бело-голубыми стенами.

Катя прижалась лбом к нагретому солнцем стеклу. Сквозь вид за окном проглядывало собственное отражение – острый носик, близко посаженные круглые, воробьиные какие-то глаза, темная аккуратная челка на лбу.

– Уф-ф-ф, жарко! – Мать не глядя скрутила каштановые волосы на затылке, клацнула длинными пластмассовыми зубами заколка. – Так, значит, меня не будет месяца полтора, в крайнем случае – два. Живите тут с Максом дружно, квартиру не спалите. И присматривай за ним, поняла? Чтоб ел нормально и шмотки свои в стиральную машинку кидать не забывал. Он хоть и старший брат, а все-таки за хозяйку остаешься ты.

– А чё я должна торчать тут вдвоем с этим придурком все лето, – сумрачно бросила Катя, рассматривая царапину на коленке. – Обслуживать его еще...

– Как ты брата называешь, а? – взбеленилась мать. – Он поумней тебя будет! И потом: где ты хочешь торчать? Со мной в киноэкспедиции? – уперла руки в бока мать. – Так мне там не до тебя будет, с утра до ночи буду актрисулеч раскрашивать. Я тебе предлагала в лагерь, ты не захотела.

– На фиг мне сдался этот лагерь... – протянула Катя. – Я могла бы... могла бы к отцу в гости поехать, например.

– Куда-а-а? – от удивления мать даже на минуту распрямила широкую спину. Всю жизнь она, изводя себя диетами, безуспешно пыталась превратить свою основательную, приземистую фигуру в тонкое и звонкое точеное тело. – К какому еще отцу? Что за бредовые фантазии?

– К моему отцу, Горчакову Ивану Алексеевичу. – Катя запустила огрызком в форточку, спрыгнула с подоконника и вытащила старый затертый почтовый конверт, спрятанный на полке, между корешками книг.

– Город Харьков, улица Плехановская, 25, квартира 7, – прочитала она.

Мать, прищурившись, разглядывала конверт.

Наконец произнесла:

– Господи, это письмо десять лет назад пришло, когда тебе два года было. Где только ты его раскопала? Может, он там и не живет давно.

– А может, живет! Может, он бы хотел, чтобы я приехала! – запальчиво возразила Катя.

– Ага, ну да, как же: сидит, ждет, когда такое счастье нагрянет, – резко бросила мать. – И вообще, мне нет никакого дела до того, чего бы он там хотел. Мы с ним разошлись сто лет назад, и я не понимаю...

– Почему вы разошлись? – не отставала Катя. – Почему ты не вышла за него замуж?

– Да на хрен он мне сдался? – с деланой веселостью отозвалась мать. – Я свободная женщина, разлюбила – до свидания! Я вон за Максовым отцом побыла замужем, целых три года, мне за глаза хватило. А ты здоровая девица уже, а выдумываешь бог знает что. Ты его не знаешь, он чужой тебе человек, поняла? Выкинь из головы эту чушь. Я и не знала, что ты об этом думаешь...

– А ты вообще не очень интересуешься тем, что я думаю, – заметила Катя.

– Слушай, мне некогда тут философию разводить, ехать пора, – прервала ее мать.

Она захлопнула чемодан, выпрямилась и оглядела комнату, прикидывая, не забыла ли чего.

– Если тебе вдруг так загорелось узнать про отца, давай разберемся с этим после моего приезда. Теперь слушай, – она понизила голос, – деньги на жизнь я вам там, в секретере оставила, должно хватить. Ты у меня девка с головой, поэтому говорю тебе, а не Макс. Вот здесь, – она постучала согнутым пальцем по корешку книги «Жизнь взаимы» Ремарка, – лежит еще заначка. Это – на самый крайний случай, на случай ядерной войны, поняла? Макс про них не знает...

– Лучше б он и про все остальные не знал, – хмыкнула Катя.

– Ну брось, не такой уж он и транжира, – рассмеялась мать. – К тому же у него сессия сейчас, ему не до тусовок будет. Он мальчик хороший, умный, просто без царя в голове.

Она стащила чемодан с кровати, охнула – он получился слишком тяжелый – и уже из прихожей громогласно заявила:

– Ну, дети, идите целоваться, и я полетела.

Из соседней комнаты выплыл, благоухая пивным перегаром, Катин старший брат, восемнадцатилетний Макс. Он двигался лениво, приволакивая тапки и позевывая: наверно, только что проснулся.

Катя остановилась в дверном проеме, привалившись худеньким плечом к косяку.

Мать смачно расцеловала их по очереди, взвалила чемодан на плечо и вышла из квартиры. Старая деревянная дверь надрывно всхлипнула и затворилась за ней.

Макс уставился на Катю из-под упавших на глаза спутанных прядей:

– Слышь, ты, крыса мелкая, чё ты там втирала матери про меня, а?

– Ничего я не втирала, отвали. – Сестра неловко оттолкнула его руку.

– Думаешь, я ничего не слышал? Что за деньги она тебе дала? – не отставал Макс, наступая на нее.

– Не твое дело, – сжав зубы, процедила Катя и невольно зажмурилась.

Брат влепил ей щелбан в лоб и лениво произнес:

– Ладно, мамочка усвистела, теперь тебе стучать будет некому. Так что рекомендую поперек дороги мне не становиться. Уяснила? Не слышу! – Он склонился над девочкой, ухватив ее пальцами за ухо.

– Уяснила, уяснила, отстань от меня! – выкрикнула Катя.

Брат отпустил ее, и она рванула в свою комнату, захлопнув у него перед носом дверь.

Тем же вечером Макс устроил дома тусовку.

Катя, навалив на голову подушку, старалась уснуть. Но сон не приходил – в соседней комнате слишком громко орала музыка, взвизгивали пьяные голоса. По всей квартире пахло пролитым алкоголем и странным едким сладковатым дымом. На кухне кто-то грохотал посудой, сыпались коробки с крупой.

Разгневанные соседи изо всех сил колотили по батарее.

Катя сбросила подушку, села на кровати. В такие минуты ей так хотелось быть взрослой, сильной, уверенной в себе, чтобы поставить на место вконец охамевшего брата. При матери он не позволял себе так вести, прикидывался «тихим домашним мальчиком».

Впрочем, полагала Катя, мать так слепо привязана к своему первенцу, что продолжала бы считать его ангелом во плоти, даже если бы он и не скрывал от нее своего истинного лица. Мать не раз говорила ей про Макса: мол, он мужик, что с него возьмешь, все они такие безалаберные – до седых волос мальчишки. Зато двенадцатилетней Кате чуть ли не с пеленок мать твердила про серьезность и ответственность.

– Ты – девочка, потом будешь женщина, – поучала ее мать. – Тебе ни на кого рассчитывать не приходится, должна своей головой думать. Этот-то, – она кивала на Макса, – найдет себе какую-нибудь дуру, которая будет ему до пенсии сопلي утирать. А нам с тобой нужно во какими быть, – она показательно сжимала кулак, – железными! Нас никто не пожалеет.

Катя же от этих ее слов все сильнее тосковала о неизвестном ей, потерянном когда-то в далеком детстве отце. Казалось почему-то, что мать из бабьей вредности и зависти нарочно запретила ему общаться с дочерью, чтобы и у нее, Кати, не было в жизни ни поддержки, ни опоры. Конечно же, отец не позволил бы Максу так с ней обращаться, он бы ее защищал, брал с собой повсюду, даже... даже в киноэкспедицию.

Он бы носил ее на руках, называл своей маленькой доченькой...

Когда-то в юности мать была доверчивой, смешной коренастой хохотушкой, с искрящимися весельем черными глазами и длинными вьющимися волосами. Матери было лет двадцать, когда она, уже успев поступить в парикмахерское училище, встретила отца Макса. Он ей казался необыкновенным красавцем, прекрасным принцем, почему-то обратившим внимание на нее, ничем не привлекательную парикмахершу. Когда будущий супруг заезжал за ней на новеньких «Жигулях», подаренных обеспеченными родителями, у Люси сладко щемило в груди и кружилась голова от недозволенного счастья...

Единственное, что портило картину грядущего семейного благополучия, – сварливая мамаша жениха, которая никак не хотела смириться с мыслью, что ее единственный сын свяжет свою жизнь с бесперспективной толстоватой Люськой. И добила-таки своего, старая ведьма, разлучила молодых, несмотря на годовалого внука, который, увы, никак не затронул жестокое свекровкино сердце. Макс получился копией своей матери, а каждый день видеть еще одну Люську, пусть даже в уменьшенном варианте, свекрови было невыносимо.

Люська развелась с обожаемым мужем и отбыла зализывать раны в родительскую квартиру с годовалым Максом на руках.

Тем не менее насмерть влюбленной Люсе удалось пронести свою разбитую о быт и неравенство социальных слоев любовь через многие годы. Со временем эта любовь неиссякающим водопадом обрушилась на сына. Ушлый мальчишка прекрасно осознавал степень привязанности к нему матери и умело этим пользовался. На долю же второго своего чада, дочери, измотанная бытом и тоской по мужу Люська не оставила почти ничего. Единственную дочь она сделала при брате фактически бесплатной услугой, не имеющей права голоса.

Катя шмыгнула носом и со злостью вытерла наворачнувшиеся слезы. Реветь она не будет, вот еще!

– Максон, водяра кончилась. Отслонявь еще бабла! – заорал кто-то в соседней комнате.

Катя выбралась из постели, вытащила с полки Ремарка, выхватила из книги стопку денег и спрятала ее в том самом затертом почтовом конверте с адресом отца, который нашла недавно в старых бумагах на антресоли.

В письме и не было ничего особенного – так, поздравление с Новым годом. Тайнственный сильный и добрый мужчина, бывший ее отцом, писал матери, что скучает и что жалеет о том, как повернулась их жизнь, и целует в нос крохотную доченьку.

«Крохотную доченьку, доченьку...» – часами потом повторяла про себя Катя.

Сунув деньги в конверт, рядом с письмом, она спрятала его под пижамной майкой и скользнула обратно в кровать.

Через несколько минут входная дверь хлопнула, в квартире стало потише – наверное, часть гостей ушла-таки за водкой.

А дверь в Катину комнату приоткрылась, треугольник света проехался по полу. Катя отчаянно зажмурилась – пусть думают, что она спит, лишь бы не приставали.

Но никто и не думал к ней приставать. Вошедшие, кажется, вообще не обращали никакого внимания на то, что в комнате еще кто-то есть. Они глухо пыхтели и влажно чмокали в темноте. Катя открыла глаза и рассмотрела собственного брата, подталкивавшего к материнской кровати какую-то блондинку.

Скрипнули пружины. Затянутые в сетчатые чулки ноги девицы взлетели куда-то к потолку, на пол обрушились туфли. Макс, отдуваясь, пытался расстегнуть ремень джинсов.

– Эй, – проговорила Катя, садясь на кровати. – Я вам тут не мешаю?

– Заткнись, – бросил Макс через плечо. – Спи!

– Ну-у, я так не могу... при ней... – капризно заявила девица.

Макс обернулся к сестре:

– Слышь, пойдی погуляй где-нибудь полчаса.

– Еще чего, – строптиво отозвалась Катя. – Сами проваливайте, это моя комната.

– Я чё, неясно выразился? – Он подскочил к ней, потный, растрепанный.

От него душно пахло перегаром, глаза были какими-то пустыми, стеклянными. Не желая больше препираться, Макс вытащил сестру из кровати за шкурку, как котенка, и вышвырнул за дверь комнаты. Щелкнул шпингалет.

– Эй! – Катя забарабанила в дверь кулаками, потом коленками. – А ну открой! Открой, гад!

Из запертой комнаты раздавалось лишь мерное пыхтение. В коридоре на нее налетел какой-то придурок с бешеными глазами, заверещал:

– Мусора! Мусора пришли! Палево! – и потащил Катю в ванную.

Она едва отбилась от него, сунула ноги в чужие шлепанцы, набросила на плечи куртку и выскочила из квартиры.

В подъезде было полутемно. Лампочка над головой истерически мигала белым мертвым светом, тут же гасла и вспыхивала опять. Катя спустилась на половину лестничного пролета, присела на корточки и выглянула из низкого, забрызганного побелкой после недавнего ремонта окна.

На улице лил бешеный дождь.

Молнии так и перерезали небо огненными зигзагами, разухабисто ухал гром. Прозрачные, будто стеклянные, быстрые струи бились о жестяной подоконник, разлетаясь мелкими осколками...

Нечего было и думать о том, чтобы переждать царивший в ее квартире пьяный угар во дворе. Однако возвращаться домой, к этим мерзким рожам, тоже не хотелось.

Катя проверила, на месте ли конверт с деньгами, не выронила ли его в сутолоке. Нет, не выронила. Она вызвала лифт и поднялась на последний, двенадцатый, этаж. Дальше идти было некуда. Она села на ступеньки, натянула куртку на острые коленки – в подъезд пробралась дождевая сырость – и приткнулась головой к перилам.

Жалко себя было до слез. В горле противно щипало, и веки жгло. «Вот вернется мать, Макс, сволочь, у нее попляшет», – пыталась она успокоить себя, зная, что на самом деле мамаша никогда в жизни не поверит в то, что ее любимый сынок выставил сестру из квартиры посреди ночи.

Сзади тихо притворилась дверь, прошелестели чьи-то мягкие шаги. Кате не хотелось оборачиваться. Некто остановился за ее спиной, чиркнул спичкой. Запахло крепким табаком, дымом.

– Ты чего тут сидишь, а? Из дома выгнали? – спросил над головой глуховатый голос.
– Угу, – буркнула она, все так же не глядя на собеседника. – Брат!
– А чего мамка с папкой не заступились?
– Мама в командировке, – ответила она. – А папа... он в другом городе.
– Не живет с вами, что ли? – допытывался незнакомец.
– Почему не живет? – запальчиво отозвалась Катя. – Он приезжает... часто! Очень часто! Он нас очень любит!

– А-а, ну да, понятно. Как же иначе? – хмыкнул мужчина.
Он спустился по ступенькам и остановился напротив нее. Теперь, хочешь не хочешь, Кате пришлось взглянуть на него.

«Старый!» – сразу определила она.

Дядьке было на вид лет сорок – сорок пять, лицо усталое, вдоль щек – длинные, печальные какие-то морщины. И глаза темные и печальные – как кофейные зерна. На голове – короткий седоватый ежик. Когда он снова заговорил, она обратила внимание, что некоторые зубы у него очень красивые, серебряные.

– За что же брат тебя выставил, а?
– Телку привел, – зло сказала она. – Я им там помешала.
– Вот сучонок! – цыкнул дядька. – Разобраться бы с ним, да...
– Боитесь, что ли? – удивилась Катя. – Да вы его одной левой...
– Не, его не боюсь, – усмехнулся незнакомец. – Связываться неохота. Еще ментов вызовет, а мне с ними сейчас ссориться нет резона. У меня щас... как это?.. вроде испытательного срока.

Катя не совсем поняла, что он имел в виду, но важно кивнула. Пусть не думает, что она какая-то тупоголовая малолетка.

– А можете мне сигарету дать? – спросила она.
– Это папиросы, – он показал ей бумажную красную пачку.

Катя заметила, что кисти его рук покрыты замысловатыми татуировками: какие-то церкви, плохо угадываемые кривоватые купола – надо же...

– А ты что же, куришь уже? Такая маленькая...
– Ничего я не маленькая!

Она вытащила из пачки папиросину, неумело сжала ее губами, потянулась к протянутой дядькой спичке, тут же закашлялась. Рот наполнился горьковатой густой слюной, голова закружилась.

– Тьфу, гадость! – Она бросила окурок на пол и притоптала сверху шлепанцем.
– Точно! – подтвердил мужчина. – Ну что, глазастая, я домой пошел. А ты так и будешь всю ночь тут сидеть? Смотри, замерзнешь.
– Подожду, пока они уgomонятся, и вернусь, – пожала плечами Катя.
– Это долго можно ждать, – раздумчиво протянул он. – Вот что: если хочешь, посиди у меня. Не больно уютно, но хоть тепло.
– Я вас не знаю, – опасливо поджала коленки она. – Как же я к незнакомому пойду?
– Так какой же я незнакомый, я же сосед, – просто улыбнулся он. – Ты меня не помнишь, потому что я давно тут не был. Последние несколько лет жил... ну, не тут, в общем.
– В командировке были? – догадалась она.
– Угу, в командировке. Точно! В длительной! – закивал он. – А зовут меня дядя Гриша.
– А я – Катя, – представилась она, поднимаясь со ступенек и разминая затекшие ноги. – Ну ладно, пойдемте тогда.

Квартира у дяди Гриши была странная – пустая какая-то. И пахла нежилым. Стол, застеленный газетой, раскладушка, две табуретки, продавленный диван. На кухне вдоль

батареи выстроились пустые бутылки. Катя нерешительно остановилась на пороге, не зная, как себя повести. Дядя Гриша, кажется тоже смущенный, помялся, потом спросил, обрадованный догадкой:

– Ты, может, есть хочешь?

– Хочу, – честно призналась Катя. – А у вас есть что-нибудь?

– Ща... – Он прошествовал на кухню, приоткрыл дверцу старого, в подтеках, холодильника. – Яичницу будешь?

– Буду, – кивнула Катя. – Давайте сковородку, я пожарю.

– Чего это? – удивился он. – Я сам справлюсь.

– А вы разве умеете? – изумилась она. – Мой брат ничего готовить не умеет, говорит: не мужское это дело.

– Значит, не приперло его еще как следует, – резюмировал дядя Гриша. – Жрать захотел бы, сразу бы научился.

Он ловко орудовал у плиты. В сковородке зашкворчало масло, туго шлепнулись о чугунную поверхность два желтка.

Катя устроилась на табуретке, оглядела кухню: древний календарь за черт знает какой год, полная бычков пепельница на подоконнике...

– Вы тут совсем один живете?

– Ага.

– А где... ну, жена ваша? Дети? – осторожно спросила она. Любопытство боролось в ней с правилами приличия.

– Жена? – переспросил он. – Была когда-то... Была да сплыла, вот как бывает. Ну, хватит лясы точить, ешь давай!

Он застелил стол газетой, поставил перед девочкой сковородку с яичницей, положил рядом вилку и ломоть хлеба. Катя с жадностью накинулась на еду. Дядя Гриша сидел напротив, задумавшись о чем-то своем, и машинально рисовал что-то на полях газеты огрызком карандаша.

Присмотревшись, Катя разглядела угрюмую девчоночью рожицу с папиросой в зубах. Ничего себе – да это же она сама! Как похоже...

Она доела яичницу, поблагодарила, привычно убрала со стола и пристроилась у раковины мыть посуду. Потом, испугавшись, что набрызгает водой на все так же спрятанный под футболкой конверт, обтерла мокрые руки о пижамные штаны и вытащила его наружу. Огляделась вокруг и, решившись, спросила нового знакомого:

– Слушайте, а можно... можно я у вас в квартире спрячу кое-что? Вот это! – она показала дяде Грише конверт. – Тут деньги, мама оставила. А я боюсь, что брат... Ну, в общем, вы понимаете. Они лежат просто, я потом заберу.

Дядя Гриша хмыкнул, недоверчиво покачал головой:

– Да ты что, девочка, с дуба рухнула, что ли?

– Почему с дуба? – обиделась Катя. – Вы что же думаете, если брат, так и деньги спереть не может? Это вы просто Макса не видели...

– Да не в том дело, что брат, – возразил Григорий. – У меня вон тоже брат был, Валерка, чтоб его перекоरेжило. Уркаган тот еще: меня, десятилетнего, заставлял в форточки лазить – я тощий был, верткий. А не полезешь – шварк в зубы...

– Вот видите! – горячо перебила Катя. – И мой брат не лучше! Так я оставлю деньги у вас?

– Не понимаешь ты... – цыкнул зубами он. – Как же так можно первому встречному доверять? А что, если придешь завтра, а денешки твои – тю-тю, а? Не хочу я тебя обманывать, маленькая ты совсем, другой бы на моем месте... Вор я, Катя, понимаешь? Домушник. Полгода с последней отсидки только. А ты мне – деньги...

– Во-о-ор... – тихо протянула Катя.

До сих пор ей еще не приходилось встречать настоящих преступников, побывавших в тюрьме, и даже не один раз.

На минуту ей стало жутковато находиться рядом с этим человеком.

С другой стороны...

Ведь он пожалел ее, незнакомую девчонку, позвал к себе, накормил. В то время как родная мать бросила одну на два месяца, а брат ночью вышвырнул из квартиры...

То ли из-за этого, то ли из-за какого-то внутреннего чутья она доверяла этому худому узколицему человеку.

– Ну и что? – запальчиво возразила она. – Ну и что, что вор? Разве воры у своих тоже воруют? А мы ведь с вами теперь друзья...

– Это верно ты заметила, – подумав, протянул он. – Крысой никогда не был и не собираюсь. Ладно, Катюха, оставляй свои деньги, будут в целости, мое слово!

Ту ночь Катя провела на старом продавленном диване дяди Гриши. Увидев, что девочка задремывает, хозяин квартиры бережно накрыл ее собственной курткой. Сам же, кряхтя, разместился на полу у батареи, сунув под голову тощий бледный локоть.

Проходили недели.

Макс совсем разошелся в своих нескончаемых тусовках. То пропадал на несколько дней, то являлся с остекленевшими глазами, требовал у Кати приготовить пожрать, выскребал из секретера очередную порцию денег, зазывал на вечер друзей. Чтобы не пересекаться с его компанией, Катя уже привычно ускользала из квартиры и поднималась на двенадцатый этаж к дяде Грише.

Он давно уже не был для нее незнакомым соседом. Теперь она знала, что зовут его Григорий Иванович Морозов, что ему 47 лет, большую часть из которых он провел в местах лишения свободы. Что первый раз в колонию он попал по малолетке, когда хозяин квартиры, которую задумал «грабануть» его ушлый старший брат, поймал ловкого мальчика, проскользнувшего ночью в форточку, с поличным. Отмотав первый срок, Гриша искренне хотел взяться за ум, пошел работать, женился, вскоре родился сын. А потом откуда ни возьмись появились старые друзья, позвали с собой, поманили легкими деньгами... И засвистел Григорий Морозов по новой! Жена, не дождавшись его возвращения, оформила развод и побыстрому выскочила замуж. А Грише, явившемуся к ней через несколько лет, сказано было, что из своей жизни супруга вычеркнула его навсегда, что сын его не помнит и любит нового папу, и чтобы он, ради Христа, не портил им жизнь и не вздумал качать права.

А там – понеслось! Отсидки, иногда краткие периоды вольной воровской жизни...

Квартира эта принадлежала Гришиной матери. Только вот из последней ходки вернулся он в нее – уже пустую. Не дождалась его маменька, отдала богу душу. Не старая ведь еще была, семьдесят всего – да куда там, разве заживешься с такими сыновьями? Валерка, старший, так и сгинул где-то на Колыме, а младший, Гришка, тоже из неволи в неволю перекантовывается.

Так и надорвали сердце бедной маменьки.

Теперь, оказавшись совсем один на свете, Григорий вроде как твердо решил завязать, взяться за ум, найти нормальную работу, может, и о семье подумать. Все же не старый он еще мужик, руки, слава богу, ловкие, работающие, голова на месте. Неужели не найдет он себе дела?

Да оказалось, не все так просто. Кому он сдался с такой биографией? Мыкался-мыкался, только и удалось, что охранником в супермаркет устроиться. Да и там долго не продержался: обнаружилась недостача в торговом зале, да и погнали взащей. Понятно, ничего

у них против него не было, да и не брал он этого вискаря, зуб дает, только кому это интересно... Сидел за воровство – значит, ты и украл.

Не хотелось Григорию из Москвы уезжать, да, видно, придется. Деньги заканчиваются, работы нет. Хорошо, нашелся старый кореш: живет сейчас на Украине, поднялся, автосервис свой заимел – вот и зовет Гришу к себе, механиком. Знает, что руки у него золотые...

Все это дядя Гриша как-то по капле, недомолвками и оговорками, рассказал Кате.

Может, отвлечь ее хотел, чтобы не думала о загулявшем брате. А может, и самому хотелось поговорить хоть с кем-то. Катя привыкла уже засыпать на его раскладушке, задремывать, слушая его глуховатый, почти бесстрастный голос. Она погружалась в сон, и под звуки этого голоса из колыхавшегося перед глазами сонного марева вырастала вдруг перед ней высокая сильная фигура. Крепкие руки подхватывали ее и поднимали под самый потолок. Какой-то человек, близкий, родной, кружил ее, маленькую, над головой, приговаривая:

– Доченька моя... Маленькая, крошечная доченька...

Катя счастливо смеялась и зажмуривалась крепче, чтобы сон не рассеялся.

Мать звонила редко. Коротко осведомлялась, все ли в порядке, и торопилась положить трубку.

– Мама, Макс совсем с дуба рухнул, – не выдержала как-то Катя, не осознавая, что говорит словами дяди Гриши. – Он пьет все время и еще, по-моему, какую-то дрянь употребляет... Мам, у нас денег почти не осталось, а он друзей водит каждый вечер.

– Что ты выдумываешь! – взбеленилась мать. – Я вам достаточно оставила, чтобы роту солдат прокормить! Если тебе новые кеды приспичило купить, так подожди, пока я вернусь...

– Я не выдумываю! – отчаянно выкрикнула Катя. – Мам, он правда совсем уже! Он каких-то девиц сюда водит, а меня из квартиры выгоняет...

– Ох, – мать раздраженно вздохнула. – Почему вы не можете жить в мире, вы же взрослые дети! Ты что, не понимаешь, что я не могу решать ваши проблемы на расстоянии? Что, у меня дел других нет? Я, между прочим, не развлекаюсь тут, а работаю, на вас, детишек, зарабатываю. А ты мне мозг выедаешь. Ну, привел он кого-то, так он же мужик, что тут такого? Переночевала бы в другой комнате, делов-то... Ладно, я сейчас позвоню ему, сама с ним поговорю.

– Мамочка, не надо! – заплакала Катя. – Он же меня убьет, если узнает, что я нажаловалась! Не говори ему ничего. Просто... просто приезжай, мамочка, пожалуйста! Мне так... так без тебя...

– Это наказание какое-то, честное слово, – устало сказала мать. – Теперь истерики по телефону. Ты знаешь, сколько отсюда минута связи стоит? Все, Катя, все, у меня нет на это времени. Разберитесь уже там как-нибудь сами, я приеду – поговорим.

В тот же вечер Макс вернулся откуда-то невероятно злой, раздраженный. Зыркнул на Катю красными глазами и пошел рыться в секрете. Выгреб последние деньги, пересчитал и ввалился в комнату к сестре. Он грубо содрал с ее головы наушники, в которых заливалась Бьёнсе, и развернул сестру к себе:

– Слышь, ты, где деньги, которые мать оставила?

– Сам знаешь, где они, – буркнула Катя. – Ты же их и потратил.

– Ты чё, не врубаешься, что ли? Нам жрать нечего будет, если ты мне денег не дашь, – встряхнул он ее.

– А нам по-любому жрать нечего будет, – возразила девочка, пытаясь вырваться из его цепких пальцев. – Даже если я найду тебе деньги, ты все их на наркоту спустишь.

– Сучка, – выдохнул Макс и, коротко размахнувшись, ударил сестру по лицу.

Катя взвизгнула, отлетела в сторону, зажала руками разбитую губу. Во рту тут же появился тошнотворный металлический привкус. Максим схватил ее за грудки, она в ужасе закричала:

– Не надо, Макс! Не надо, пожалуйста! У меня нет денег, правда!

– Куда дела? – Он встряхнул ее так, что Катина голова ударилась о стену.

Посыпалась штукатурка, постер с Робертом Паттинсоном откололся от обоев и проехался по Катиной голове глянцевым боком.

Макс отшвырнул сестру, как котенка, и ринулся к книжным полкам. Принялся вытаскивать толстые тома, встряхивать их в поисках денег и бросать на пол. Ремарк больно ударил Катю по ноге. Она скорчилась в углу, подвывая от страха и зажимая руками кровавый рот.

– Если не найду, прибую тебя, тварь! – пообещал Макс, обернувшись к ней.

Катя с ужасом смотрела на брата, на его стеклянные, остановившиеся какие-то, страшные глаза. Теперь она точно поняла: он наркоман и ни перед чем не остановится, чтобы добыть себе дозу. Он ее просто изуечит за эти несчастные деньги. Ей необходимо бежать из квартиры, уносить ноги, пока в припадке ярости родной братец не выкинул ее из окна.

Бежать...

Куда угодно, лишь бы подальше от безумевшего брата!

Стараясь двигаться как можно тише, она переползла ближе к двери в комнату, прижавшись спиной к стене, поднялась на ноги. И, дождавшись, пока Макс отвернется, опрометью бросилась прочь из квартиры.

Катя бегом поднялась на двенадцатый этаж и забарабанила кулаком в дверь квартиры дяди Гриши. Он открыл, девочка ворвалась в квартиру и, судорожно всхлипывая, привалилась спиной к двери.

– Ты чего? – Григорий обалдело моргал, глядя на нее. – Что с тобой? Упала, что ли, на лестнице?

Она попыталась что-то сказать, но из горла вырывался лишь свистящий хрип.

– Ладно, ладно, я понял. Тихо, все хорошо, я рядом.

Он прижал Катину встрепанную голову к своему плечу, успокаивающе погладил по спине, носовым платком стер кровь с губ. Катя понемногу успокаивалась, дышала уже ровнее, прижимала скомканный платок к разбитой губе.

– Неужто эта падаль на тебя полезла? – медленно, как бы раздумчиво, произнес дядя Гриша.

Он казался совершенно спокойным, но Катя видела, что скулы его побелели от сдерживаемого бешенства.

– Ну, я его, падлу... Ты посиди здесь.

Григорий ринулся к двери. Катя бросилась за ним, вцепилась в рукав футболки:

– Дядя Гриша, пожалуйста, не ходи туда! Не трогай его! Он же – в милицию, а ты... Не хочу, чтобы из-за этого уроды тебя снова посадили!

Он посмотрел на нее с изумлением, пробормотал ошарашенно:

– Ишь ты... смотри-ка... пожалела...

И, наконец, взяв себя в руки, произнес:

– Ну, как знаешь, дело хозяйское, дело хозяйское. Тебе с ним жить... Только как же ты будешь тут? Сегодня еще можешь переночевать у меня, а утром я уезжаю. Поезд у меня, понимаешь?

– Уезжаете? – потерянно повторила Катя.

Только теперь, оглядевшись, она заметила у двери блекло-зеленый походный рюкзак – полупустой, но явно собранный в дорогу.

– Куда уезжаете?

– Так на Украину, к корешу моему, к Витьке, я ж тебе говорил, – смущенно объяснился дядя Гриша. – Я уж и билет купил, вот, думал, успею с тобой попрощаться, или уж не увидимся? А видишь, как все повернулось-то...

Катя, опустив голову, сделала несколько неуверенных шагов в сторону, присела на корточки, потрогала рюкзак, словно до конца не веря в его достоверность.

Затем встала, решительно тряхнула головой и произнесла:

– Дядя Гриша, возьмите меня с собой! Ну, пожалуйста, возьмите, а? – она просительно заглянула в его глаза.

– Это куда это? – всполошился Григорий. – К Витьке в автосервис? Подмастерьем, что ли? Тачки будешь домкратом тягать, а? – Он делано рассмеялся. – Что это ты такое удумала, девка?

– Не подмастерьем, – Катя отчаянно затрясла головой, подступила к дяде Грише, заговорила горячо: – Я не могу тут оставаться, вы же видели... Он меня однажды просто убьет. Он курит что-то такое или ест, я не знаю, наркотики, понимаете?

– Ох ты ж, торчок галимый, – прищелкнув языком, с пониманием покачал головой дядя Гриша. – А ведь, пожалуй, ты и права, Катюха, хрен его знает, как у него башню-то повернет. Опасно тебе с ним. Может, тебе матери позвонить?

– Да говорила я с ней, сто раз говорила, – всхлипнула Катя. – Она ничего не слушает, только и знает – мне некогда, разберитесь сами, вы уже взрослые. Дядя Гриша, мне уезжать отсюда нужно. К отцу, понимаете? В Харьков! Хотя бы до приезда мамы. Потом уж мы как-нибудь разберемся.

– Ну, так а я-то тут при чем? Я ж не в Харьков еду, в Джанкой! – попытался отделаться от нее Григорий, но Катя не отставала:

– И что? Вы мне только границу пересечь помогите – там же пограничники поезда проверяют, они меня без взрослых не выпустят. А мы скажем, что вы мой дядя, что мы вместе к бабушке едем. И все устроится. А в Харькове я сойду, а вы дальше поедете.

– Ох, девка, свалилась ты на мою голову. – Дядя Гриша сжал сухими, подернутыми голубыми венами руками виски. – Ты вообще соображаешь, на что ты меня подписываешь? Это ж похищение несовершеннолетней...

– Да какое там похищение! – возразила Катя. – Макс еще неделю не хватится, что меня дома нет. А я, как доберусь до отца, сразу маме позвоню и все объясню. Ну, пожалуйста, дядя Гриша! Мне некого больше попросить, кроме вас!

Губы ее жалостливо дернулись, затянувшаяся было ранка снова треснула, по подбородку заструилась кровь. Григорий сплюнул сквозь зубы, покачал головой, как бы сам себе удивляясь, и бросил:

– Хрен с тобой, лягушка-путешественница. Возьму тебя с собой, что ж я, му... чудак последний, что ли, дитё в беде оставлять. Про билет не беспокойся, у меня тетка знакомая в кассе, смайстричит нам все, как положено. Ложись давай, спи. Завтра в шесть утра побудка.

– Спасибо! – просияла Катя. – Спасибо вам, дядя Гриша! Мой папа будет так вам благодарен.

– Да чё уж там, – смущенно бросил Григорий. – Ладно, хорош базарить, ложись давай. Да, отцу-то хоть позвони, что едешь.

– Угу, я позвоню, обязательно позвоню, – кивнула Катя.

Говорить Григорию о том, что отца она толком ни разу и не видела и телефона его не знает, уж точно не следовало. Тем более ее мобильный остался внизу, в квартире, и идти за ним не было у Кати никакого желания.

На всякий случай, перед тем как уснуть, она в который раз достала заветный конверт и перечитала адрес: город Харьков, улица Плехановская, 25, квартира 7, Горчакову Ивану Алексеевичу.

В плацкартном вагоне стояла влажная удушливая жара. Воняло туалетом, чужими потными телами, подкисшей едой. Расположившееся в соседнем отсеке семейство упорно кололо о стол сваренными вкрутую яйцами. Напротив, на боковушке, дородная тетка никак не могла пристроить под полкой все свои сумки, котомки и узлы.

Катя с ногами взобралась на полку, смотрела на проносившиеся за запыленным стеклом деревья, мосты, полустанки. Григорий, пристроившись рядом, мусолил купленную на станции газету. Две соседние полки были пока еще не заняты.

Катя, потянувшись, сказала мечтательно:

– Знаешь, – они договорились, что во время поездки она будет называть дядю Гришу на «ты», чтобы не вызывать подозрения у пассажиров. – Знаешь, мне так всегда хотелось сесть в какой-нибудь поезд и уехать от всех! У нас недалеко от школы были железнодорожные пути. Так я иногда убегала с уроков и сидела на косогоре, смотрела на поезда и представляла, как я сажусь в любой из них и уезжаю. Навсегда-навсегда, чтоб никого больше не видеть. У тебя такого не было?

Григорий хмыкнул:

– Нет, не было. У меня, знаешь, наоборот было. Едешь, бывало, в вагоне – не в таком, конечно, в общем вагоне. Тоска такая... И начнешь мечтать, будто возвращаешься ты домой, к семье, будто там тебя ждут... Пироги пекут, в окно поглядывают – не идешь ли? Ты, Катюха, дитя еще, не понимаешь ты, какое это счастье: иметь семью, близких людей. С жиру бесишься...

– Пф-ф, – фыркнула Катя. – Как будто семья – это обязательно близкие люди. У тебя вон тоже была семья, жена – и чё, дождалась она тебя?

– Это верно, – сумрачно кивнул Григорий. – Только я ее не виню. Ей и было-то всего двадцать два года – на десять больше, чем тебе. Молодая, красивая, волосы у нее были... как бы тебе описать... такие... как пепел, что ли? Светлые... Ей жить хотелось, одеваться красиво. Я ей колечки всякие таскал, шубки – она так радовалась, как ребенок. А тут милиция: здрасьте, ваше имущество конфисковано до вынесения приговора! Она ведь не знала, чем я занимаюсь, думала, вкалываю с ночи до утра, а тут такое... Эх! Да что там говорить, сам я ее судить не могу и другим не дам.

Он помолчал.

Кате неловко было, что она неосторожно затронула его болезную тему. На минуту стало даже страшно: что, если дядя Гриша обидится на нее и высадит сейчас из поезда?!

Но он лишь задумчиво пожевал губами, поднялся, похлопав себя по карманам брюк, и сказал:

– Пойду в тамбур, перекурю маленько.

– И я с тобой! – подхватила ее. – Я тоже покурю.

– Ты это, вот что, – серьезно посмотрел на нее Григорий. – Сама там – как хочешь, но пока ты со мной – завязывай с куревом. Что про нас соседи по вагону подумают? Папаша дочке смолить разрешает!

– Я тебе не дочка! – строптиво отозвалась Катя.

– Это верно, – задумчиво кивнул он. – Но они-то об этом не знают. Так что давай-ка, не перечь бате.

С этими словами он, ссутулив плечи, вышел в коридор.

За окном поезда промелькнула узкая река, отливая на солнце серебром. Катя лежала на верхней полке, подставив лицо врывавшемуся в щель сдвинутого вниз окна ветру. Горячий воздух гладил закрытые веки, теребил влажные от пота волосы. И временами ей удавалось

представить себе, что это отец ласково треплет ее по затылку. Сердце замирало и подпрыгивало, когда она думала о том, что вот уже сегодня вечером увидит его.

Каким он окажется? Будет ли рад увидеть ее? А что, если у него новая семья, если мачеха сразу невзлюбит ее?

Она крепче зажмурилась, чтобы отогнать навязчивые мысли. Потом открыла глаза.

Поезд, замедлив ход, подкатывался к вокзалу какого-то города. Чихнул, зашипел, вагоны вздрогнули и остановились. Дядя Гриша сунул ноги в сандалии и пошел пройтись на перрон. Через некоторое время он вернулся, поставил на стол несколько бутылок пива и пластиковое ведерко. Катя спустила тощие ноги с полки, спрыгнула вниз, сунула нос в ведерко. Там громоздились друг на друге красные раки со страшными острыми клешнями.

Григорий открыл бутылку о край стола, поднес ее ко рту.

– Ты что, пить будешь? – хмуро покосилась на него Катя.

– А что? – удивился он. – Что еще делать в дороге? Или хочешь в картишки перекинуться?

– Нет, просто... – Она замялась.

Не хотелось признаваться в том, что ей было страшно: вдруг дядя Гриша захмелеет и забудет о ней или – еще страшнее – набросится вдруг на нее с кулаками, как Макс.

– Просто вдруг пограничники на таможне прицепятся, если ты будешь пьяный. Еще перепутаешь что-нибудь, скажешь не то, они и догадаются, что ты мне не родственник... Не пей, дядя Гриш, а?

– Тьфу ты, – Григорий досадливо сплюнул. – Послал же черт мегеру. Ну ладно, хрен с тобой, золотая рыбка, побуду трезвенником покуда.

Он с сожалением отодвинул пивную бутылку на край стола.

– Ничего, скоро ты от меня отделаешься, – улыбнулась Катя. – В Харькове я сойду – и пей сколько влезет.

– В Харькове... – с сомнением протянул дядя Гриша. – Ты мне вот что скажи: папка-то тебя будет на вокзале встречать?

– А что? – испугалась Катя. – Нет, наверно, не будет. Я... я ему точного времени не сказала, когда звонила.

– Ну, сейчас позвони.

– Не могу, мобильник в Москве остался, – покачала головой Катя.

Это было правдой. Ее телефон так и остался лежать в московской квартире.

– Угу, – кивнул Григорий. – И как же ты доберешься до его дома-то? А? А если его на месте не окажется? Если на работе он или в гостях где? А ты без связи... Что делать будешь?

– Я-я... – неуверенно протянула Катя. Почему-то такая мысль не приходила до сих пор ей в голову. – Ну, я в подъезде посижу.

– Ну да, ну да... в подъезде... Эх, наказание мне с тобой, Катюха, – вздохнул Григорий. – Придется, видно, до самого дома тебя доставить, с рук на руки передать, а там уж – следующим поездом... – Он поцокал недовольно, покачал головой.

Затем пододвинул к Кате ведерко с раками:

– На вот, поешь, что ли, чего так сидеть-то?

Увидев в руках у Кати красного усача, внезапно всполошилась дородная тетка с боковыми ушками.

– Ты что, очумел, что ли, дурень, девчонке тухлятину эту пихать? – набросилась она на дядю Гришу. – Их же, может, неделю по вокзалу таскают на самом солнцепеке. Иди, девочка, иди сюда, уж я тебя угощу, – начала зазывать она Катю. – Вот тут у меня картошечка, яички, хлебушек. Хоть покушаешь по-человечески, а то от папки твоего, я гляжу, нормальной еды не дожدهшься.

– А что? Я ничего, – смущенно забормотал Григорий.

И тетка, подперев мягкую щеку кулаком, посетовала:
– И как только мамка-то вас одних отпустила!

Границу они проскочили на удивление легко.

Катя лежала на верхней полке, отвернувшись к стене, и пограничники решили не будить умаявшуюся за дорогу девочку. По вагонам долго еще ходили, проверяли документы, кого-то просили показать вещи. Потом поезд, наконец, тронулся и уже через час остановился на вокзале в Харькове.

Катя и Григорий вышли на платформу.

Здание вокзала было красиво подсвечено разноцветными огнями. Две зубчатые башенки словно цеплялись за бежавшие по небу темно-багровые закатные облака.

Напротив вокзала били вверх белые струи фонтана.

Григорий пошел договариваться с таксистом. Катя, как потерянная, стояла на перроне. Вокруг сладко дышала крошечная южная ночь. Сердце толкалось в груди, и в пальцах покалывало от волнения, как будто вся кровь в Катином теле превратилась вдруг в газировку, булькающую и пузырящуюся...

Провонявший бензином раздолбанный «жигуль» довез их до высокого, сталинской постройки дома с маленькими балконами и запыленной лепниной под крышей.

Дядя Гриша отпустил машину, объяснив Кате:

– Я уж у вас переночую одну ночь. Куда мне в такую темень податься? А завтра с утра – прямо на вокзал.

По лестнице Катя шла медленно, останавливаясь на каждой площадке. По спине бежали мурашки, жутко было оттого, что вот сейчас, еще минута – и она увидит, наконец, отца. Она едва смогла попасть дрожащими пальцами по кнопке звонка над массивной дверью с табличкой «7».

В квартире залилась хриплым лаем собака, кто-то завозился с замком, дверь приоткрылась на цепочку, и сквозь щелку выглянул мальчишка лет восьми.

– Здрасьте, вам кого? – скороговоркой спросил он.

– Нам... Горчаков Иван Алексеевич здесь живет? – охрипшим от волнения голосом выговорила Катя.

– Не-ет, тут таких нема, – протянул мальчишка.

В висках гулко ударило. Катя растерянно смотрела на мальчика, разглядывала веснушки на его облупленном носу. За спиной хмыкнул дядя Гриша.

– А-а... а где он? – с силой выговорила Катя. – Может, переехал куда?

– Я... я нэ знаю... – пожал плечами мальчик. – Можэ, батькы знают? Тильки воны до кинотеатру пишлы...

– Та-а-ак, – медленно произнес Григорий.

Собака за спиной мальчика продолжала заливаться. На шум из соседней квартиры выглянул сосед. Сквозь его светлые, легкие волосы проглядывала намечающаяся красная лысина.

– Вам кого? Ваньку, что ли, Горчакова? – тут же вклинился он в разговор. – Так я его знаю, сколько лет соседями были! Только тут вы его не найдете. Он уж года четыре как хату эту продал и к матери в деревню подался.

– Это что же получается... – начал дядя Гриша, но Катя звонко перебила его:

– А адрес? Адрес его у вас есть?

– Да откуда... – развел руками мужик. – Хотя, погодите-ка, ща вспомню.

Он принялся в задумчивости комкать ладонью пухлый подбородок.

– Деревня эта, колхоз при Советах-то, «Светлый путь» называлась. По карте можно посмотреть. Тут недалеко должно быть, пара часов на электричке...

– А-а-а... – снова протянула Катя. – А вы не подскажите, где тут комнату на ночь можно снять? А то мы издалека приехали, а сейчас ночь уже, куда ж нам ехать... Мы тут никого не знаем.

Она говорила быстро, лихорадочно, боясь обернуться и встретиться глазами с дядей Гришей.

Теперь-то он, конечно, уже догадался, что никакому отцу она не звонила, да и не видела его уже много лет. Господи, что он с ней сделает, когда поймет, в какую мутную историю она его втянула? А что, если поколотит, как Макс...

– Комнату-то? – раздумчиво произнес мужик. – Комнату, допустим, и у меня снять можно, если на одну ночь. Мне ща лишняя копейка ой как не помешает! С женой развожусь, – пояснил он Григорию растерянню, как будто сам удивлялся, как дошел до жизни такой.

Затем потер ладони и добавил:

– Ну, проходите, гости нежданные, договоримся...

Он шире распахнул дверь, и Катя с Григорием вошли вслед за ним в давно не убранную, разоренную разделом имущества супругов квартиру.

За вечер Миша – так представился им бывший сосед Горчакова – успел рассказать случайным постояльцам все, что знал об Иване:

– Мы с Ванькой лет восемь соседями были. Хороший он мужик, ниче не скажу, талантливый, веселый. Гулянки такие закатывал, что стены трещали! Гостей всегда полон дом. Только вот не хватает в нем чего-то. Твердости, что ли? Упорства? Работал он в местной газете, нормально все было. Вдруг уволился: я, говорит, сценарий писать буду, идея у меня есть, а работа отвлекает только, сосредоточиться не дает. Зашел к нему как-то через месяц – лежит на диване, в потолок смотрит. Как сценарий-то? – говорю. А он – а, мол, фигня это все. Я тут с такими ребятами познакомился, панк-группа «Прогрессивная деградация», такой музон лабают! Продвигать их буду на местное телевидение. Загорелся так, кредит взял под залог квартиры. Только тоже потом чё-то не вышло ничего, так и хату спустил. Эх, ему бы хватки побольше...

Катя ловила каждое его слово, пытаясь нарисовать в воображении портрет отца – талантливого, увлекающегося, рискующего всем ради идеи. Когда Мишино красноречие, наконец, иссякло, он выдал гостям по стопке постельного белья, которое не успела еще утащить прижимистая супруга, и ушел в другую комнату.

Катя и дядя Гриша остались вдвоем в узкой и длинной, как пенал, комнатухе.

Катя, втянув голову в плечи, двинулась напрямик к окну, влезла на подоконник и прилипла носом к стеклу. За стеной Миша кричал в телефон:

– Света, поймей совесть, этому «Фольксвагену» четырнадцать лет, я с ним дольше, чем с тобой, знаком!..

Словоохотливый хозяин квартиры успел уже пожаловаться им, что разводится с женой, потому что подловил ее на гнусной измене. И эта оторва вознамерилась теперь оттяпать у него еще и последние штаны!

Григорий тихо притворил дверь в комнату и направился к Кате.

Она не обернулась на его шаги, лишь вся сжалась, боясь того, что ее ждало. Страшно было даже себе представить, что устроит ей дядя Гриша за всю эту историю, забросившую его в чужой незнакомый город с посторонней девочкой. Он остановился за ее спиной, кашлянул и спросил:

– Ты это когда же отца в последний раз видела, а? А ну, отвечай.

– Не помню, – пробормотала она. – Я маленькая была. Я вообще... вообще его почти не помню, вот так.

И пригнулась, думая: «Сейчас ударит!»

Но дядя Гриша не ударил ее, лишь хмыкнул, по обыкновению, и спросил:

– А адрес этот где взяла? У матери?

Она спрыгнула с подоконника, вытащила из своего рюкзака конверт, протянула ему:

– Вот!

Он достал письмо, прочитал вслух:

– «Милая Люда! Поздравляю тебя с Новым годом! Очень скучаю. Жаль, что все так у нас по-дурацки вышло. Целуй от меня маленькую доченьку. Иван».

Он перевернул листок другой стороной, повертел его в руках и вскинул глаза на Катю:

– Это все?

– Все, – тихо ответила она.

– Да ты, я вижу, совсем умом тронутая, – покачал головой дядя Гриша. – Отправилась – не знаю куда, не знаю зачем. И я тоже, дурак, не выспросил ничего... Завтра же сажаю тебя на поезд – и дуй назад.

– Нет, – мотнула головой Катя.

Почувствовала, как в горле закипают слезы, вдохнула глубоко, но так и не справилась с ними, заголосила хрипло, навзрыд:

– Нет, дядя Гриша! Миленький, хорошенький, не отправляй меня обратно, пожалуйста! Я к ним не вернусь... Макс меня просто прикончит, а мать... Она, наверно, заметит, что я пропала только потому, что посуду помыть некому. Я должна найти отца, должна, понимаешь?

Она схватила его за костлявую, разукрашенную синими венами руку, затеребила ее, глядя на него умоляюще...

– Ты поезжай, куда собирался, а я сама доберусь до этой деревни. Я найду его – я знаю, что он там, чувствую!

Миша за стеной осекся и, кажется, прислушивался теперь к тому, что происходит в соседней комнате.

– Ну ладно, тише, – примирительно произнес дядя Гриша. – Чего ты разревелась, как эта... Смотри, нос весь распух.

Он осторожно высвободил руку и принялся мерить шагами комнату, ссутулив плечи и заложив ладони за спину. Потом вдруг остановился, взглянул на девочку пристально:

– А зачем он тебе, папка-то этот, а? Раз ты в глаза его ни разу не видела? На кой он тебе сдался?

Катя замялась, потупилась, выговорила с трудом:

– Ну, как же, ведь он мой папа... Он, наверно, любил меня, это мать ему запретила со мной видаться. А так он бы ей объяснил, что я тоже человек, а не служанка – в магазин сбегай, пол помой, братцу обед разогрей и не отсвечивай. И Макс никогда не позволил бы меня обидеть. Он бы меня защищал... Вот!

– Защищал, – хмыкнул Гриша. – Это, положим, верно. Но в таких делах, знаешь, ни на кого полагаться нельзя, даже на папку родного. А что, если дома его не будет? Защищаться самой надо уметь. Иди-ка сюда.

– Зачем? – не поняла Катя.

– Иди-иди, поучу кое-чему. Смотри-ка сюда.

Он схватил подошедшую девочку за руку.

– Видишь – вот, я тебя держу. Крепко держу, ага? А ты не теряйся, хватай мой палец – ну, вот хоть этот, большой – и дергай в сторону, поняла? Сильно дергай, чтоб сломать, ну, или там вывихнуть, если сил не хватит. Давай-ка, не бойся, дергай!

Она, собрав все силы, дернула его жилистый палец. Дядя Гриша взвыл и отдернул руку.

– Ой, – испугалась Катя. – Я слишком сильно, да?

– Нормально, – пробасил он, потирая ладонь. – В другой раз еще сильнее дергай. Ты эти интеллигентские штучки брось: «А вдруг ему больно будет, а вдруг я не так поняла». Если чувствуешь жопой... Тьфу ты, извини. Короче, чувствуешь если, что пахнет жареным, – бей первая и беги, ясно? Вот, значит, за палец дернешь, он заорет, хватку ослабит, а ты другой рукой ему в глаз, прям вот пальцем! Выбить не выбьешь, но мало ему не покажется. Пока схватится, проморгается – ты уже и ноги сделаешь. Понятно?

– Вот так? – Катя попыталась ткнуть вытянутым указательным пальцем Григорию в лицо.

Он отпрыгнул, прикрывшись ладонью.

– Э-э, стой, Катюха. Это репетировать не будем, в случае чего – на месте сориентируешься. А то ты меня тут покалечишь, и придется нам в больницу ехать вместо твоего этого... как его? Светлого пути.

Катя замерла на месте, счастливо заморгала, спросила шепотом:

– Ты поедешь со мной? Правда, поедешь?

– Ну, сказал уж, – буркнул Григорий, отворачиваясь. – Ладно, давай спать, что ли. Завтра ехать еще.

– Сейчас, – кивнула Катя. Потом достала из рюкзака блокнот в толстом картонном переплете. – А нарисуй мне что-нибудь, пожалуйста! У тебя так здорово получается.

– Ну уж... – проворчал Григорий.

Но все-таки взял из ее рук блокнот и ручку, пристроился у подоконника, и вскоре на белой странице появилась тощая девчонка, с грозным видом наступавшая на съездившегося от страха хлипкого мужичонку. Рисунок был сделан так мастерски, движения и выражения лиц переданы так забавно, что Катя не удержалась от смеха. Потом захлопнула блокнот и прижала его к груди:

– Класс! Ты мне каждый день что-нибудь рисуй, ладно? Я сохраню на память.

– Немного тогда у тебя рисунков наберется, – усмехнулся Григорий. – Завтра сдам тебя папашке на руки, да и поеду к Витьку. Он там небось заждался уже. Ладно, хорошо трепаться, ложись давай.

Катя послушно устроилась на диване, накрывшись пледом. Сам же Григорий растянулся на раскладушке, застонавшей под ним древними пружинами. За стеной продолжал возмущаться Миша:

– Да чтоб ее приподняло и уронило, твою адвокатшу. Передай ей, что я ей ее бумажки в такое место запихну, что не достать будет! Во-во, так и передай!

Утром сонный Миша, шлепая разношенными тапками, проводил их на улицу, махнул рукой в сторону троллейбусной остановки. Комкая небритый подбородок ладонью, объяснил, как доехать до вокзала. Затем, зевнув, пожаловался:

– Светка, паскуда, спать всю ночь не давала. До чего ж жадная баба – все ей мало.

Кате отчего-то стало жалко его – нелепого, расхристанного, с обгоревшей под солнцем ранней лысиной. И она вдруг выдала:

– А может, это она нарочно. Может, ей разводиться просто не хочется, вот она и торгуется, время тянет? Думает, вы поймете, что развод слишком дорогой выходит и лучше бы вам с ней помириться?

– Ты думаешь?... – неожиданно озадачился Миша и в который раз стиснул пятерней подбородок. – А что... Все может быть, все может статься, как говорится.

– Ты ее слушай, – веско кивнул Григорий. – Она, знаешь, людей насквозь видит, что твой опер.

К противоположной стороне улицы, шипя, подкатил троллейбус. Григорий наскоро сунул Мише ладонь, подхватил Катю под руку и побежал к остановке.

Электричка грохотала по рельсам. За окном проносились широкие, до горизонта, поля подсолнухов. Желтые масляные лепестки лениво подрагивали в пронизанном солнцем воздухе. Синее горячее небо стелилось над полями.

Кате было жарко. Голова отчего-то сделалась тяжелой, кренилась набок. Во рту стоял противный привкус. Шея как будто распухла изнутри. Хотелось сползти с продранного дерматинового сиденья на пол и растянуться там, среди чужих туфель, мусора и плевков.

– Я пить хочу, – хрипло пожаловалась она дяде Грише.

– Ну вот, – развел руками он. – Где ж я тебе тут воду возьму? Что ж ты на станции не сказала?

– Что ж ты сам не догадался воды в дорогу взять? – огрызнулась Катя.

– Откуда я знал? Я, между прочим, первый раз с детьми путешествую.

– Я не ребенок, – буркнула она и сжала лоб руками.

Дядя Гриша озадаченно взглянул на ее запекшиеся губы, на подернутые пеленой, запавшие глаза и поднялся:

– Ладно, сиди тихо, я щас.

Он, будто бы скучая, прошелся по вагону, почитал наклеенные между окон рекламки, потом ввинтился в топтавшуюся у тамбура толпу пассажиров, собирающихся сходить на ближайшей станции. Катя, поглядывая искоса, видела, как он пробирается между людей, сумок, корзин, на мгновение прижимается к чьей-то спине, перебрасывается с кем-то парой фраз.

Через некоторое время Гриша вернулся и сунул ей теплую, уже ополовиненную кем-то бутылку минеральной воды.

– На вот, пей, – шепнул он.

– Ой, где ты взял? – удивилась Катя.

– Тихо! – цикнул на нее Григорий. – Где взял, там больше нету. А чё думаешь, есть и у меня свои таланты. Пей давай!

Через два часа электричка остановилась у нужной им станции. Катина голова гудела, перед глазами стлалась какая-то серая муть. Но она старалась держаться: понимала, что жаловаться на плохое самочувствие сейчас не время – ведь впереди долгожданная встреча с отцом.

Григорий прыгнул на перрон, поддержал ее под руку, спросил у кого-то дорогу, и вскоре они шагали уже по пыльной, утрамбованной сотнями ног тропинке.

Солнце нещадно жгло Катин затылок, ноги словно налились пудовой тяжестью. Закусив нижнюю губу, девочка из последних сил шла вперед...

Через некоторое время впереди показались первые постройки некогда процветавшего колхоза. В синем жарком мареве Катя, прикрыв глаза от солнца ладонью, разглядела дощатый элеватор, под крышей которого курлыкали голуби. Мелькнул тускло-серебристым боком небольшой пруд. Потянулись аккуратные беленые дома с палисадниками и огородами.

Григорий еще дважды спрашивал дорогу к дому Горчаковой. Наконец какая-то девочка в выгоревшем сарафане сказала:

– Это шо, до бабы Ньюры вам надо? Так вон она, хата ее, вторая с краю вулицы.

Григорий и Катя двинулись в указанном направлении и вскоре остановились у покосившегося, давно не крашенного забора. За забором смотрел чисто вымытыми окошками небольшой саманный дом. В огороде, кряхтя, возилась коренастая пожилая тетка в подоткнутой юбке и повязанном вокруг головы платке. Катя заметила, что ноги у нее от подошв до колен коричневые от загара, а выше – кожа бледная и рыхлая.

Почувстввав нежданных гостей, из-за дома с лаем выскочила маленькая, лохматая, вся в колтунах и репьях собачонка. Баба Нюра обернулась на лай, увидела пришедших и, прищурившись, принялась бесцеремонно их разглядывать.

– Добрый день! – поздоровался Григорий. – Нам бы сына вашего повидать, Горчакова Ивана Алексеевича. Здесь он проживает?

– Нэма его тут, – не приветливо отозвалась женщина. – А на шо вин вам? Якшо вам грошей должен, так я про то ничего нэ ведаю. Так и знайтэ, ни копийки с менэ не получите! Ось тоби! – Она сложила темные выпачканные землей пальцы в кукиш и показала его Григорию.

– Нет, вы не поняли, мы не за деньгами, – вступила Катя.

Говорить было тяжело, язык словно распух, слушался плохо, горло саднило, и девочка сразу выпалила самое главное:

– Дело в том, что... Горчаков Иван Алексеевич – мой отец.

– Шо? – нахмурилась бабка, вытянула шею и снова вгляделась в Катю. – Хм... Ну, ладно, заходьтэ, чи шо... Будька, а ну ппошел, дармод, – она отпихнула босой ногой в сторону заливавшуюся лаем собаку и распахнула калитку.

В доме было прохладно и полутемно, пахло чем-то деревенским – кисловатым, парным, уютным.

Григорий, ткнув Катю в плечо, показал, что на пороге надо разуться. Она скинула сандалии и прошла в комнату. Было приятно ступать босыми ногами по чисто выскобленному деревянному полу. Катя нерешительно присела на край дивана. Григорий устроился у стола. Вошедшая следом баба Нюра сурово оглядела их и пробасила:

– Так ты шо жэ, внучка моя, выходьтэ? А ты хто? – она обернулась к Григорию. – Тоже внучок?

– Не, – усмехнулся Григорий. – Я так, сопровождающий. Ща она все расскажет, – кивнул он на Катю.

Та, потупившись, разглядывая затертый половичок на полу, принялась сбивчиво говорить: о жизни в Москве с матерью, об отце, которого почти не помнила, и, наконец, показала письмо.

Баба Нюра пробежала глазами несколько строк.

– Его рука, это точно. Шо ж он, байстрюк, не говорыв мэни, шо у него дочка есть? Цэ ж он, значит, нагулял, пока учиться в Москву ездив. А мэни – мовчок. От я его взгрею, колы заявытсья!

– А сейчас он где? – с надеждой спросила Катя.

– А хто ж его знает? – развела руками баба Нюра. – Вроде в Днепропетровск подался, подруга у него там. У меня и адрес був. Только это ж Ивасик мий, про него никогда нэ знаешь, дэ его черти носят. Сьогодни – тут, а завтра – шукай витру в поли! А меня дружки его донимают – должен он им, бачишь ты, остался. Так и ходють, так и ходють. Да бабы щэ...

Она передразнила кого-то тоненьким голоском:

– «Ой, он приехать обещал, мы и заявление в ЗАГС подали». А я шо могу? Я им всем так сразу и говорю: нема його тут, а я ничего нэ ведаю. От и вас пускать нэ хотила, а там бачу – не, тут другэ дило. И от же, с внучкой на старости лет познакомиться привив Господь!

В голове у Кати все сильнее шумело, глаза болели. Тихонько вздохнув, она опустила голову на мягкий подлокотник дивана. Баба Нюра, прищурившись, пристально смотрела на нее. Потом тяжело протопала через комнату, подошла и тронула мягкой пухлой рукой Катин лоб.

– Тю, дытыно, та ты вся горышь!

– Это как это? – всполошился Григорий.

– А так, – обернулась к нему баба Нюра. – Ты шо жэ, олух, не замитыв, шо девчонка захворила? Мабуть, в поезде и продуло – мабуть, лежала всю дорогу пид викном открытым, ни?

– Ну да, – растерянно произнес дядя Гриша. – Только я не думал... И что же теперь? Врача надо?

– Та на кой вин мэни? – отрезала баба Нюра. – Шо ж я, сама дивчинку на ноги не поставлю, чы шо? Пишлы-но, мыла моя, со мной, нэ бийся. Бабка тебя не обидит, бабка, може, и старая, а из ума щэ не выжила, нэ то шо мужичьё бестолковэ...

Катя доверчиво пошла вслед за бабой Нюрой в дальнюю комнату. Там бабка устроила ее на кровати, накрыла лоскутным одеялом и приказала:

– А ну, лэжи! Лэжи, отдыхай. Я зараз чаю з малиной прынесу.

Над низким окном трепетала на ветру белая с красной вышивкой занавеска. За ней виден был залитый солнцем двор, резная тень от листвы на земле, худая, черная от солнца дяди-Гришина спина. Отдуваясь и утирая локтем пот, Григорий поправлял старухин забор.

Катя чувствовала себя уже лучше, чем два дня назад. Голова больше не кружилась, и в жар не бросало. Бабка Нюра поила ее какими-то пахучими травяными отварами, обтирала, заставляла полоскать горло вонючей дрянью. Кате поначалу казалось, что старуха нарочно мучает ее, что она ведьма, к которой их с дядей Гришей случайно занесло...

Однако, на Катину удивление, манипуляции бабки возымели действие, и девочке в самом деле стало легче.

Вот и теперь бабка Нюра вошла в комнату с очередной кружкой дымящейся бурды, сунула ее Кате в руки и тоже кинула взгляд в окно.

– Ну, слава тоби Господи, послал постояльца, хоть забор на место поставыть, – вздохнула она. – Вже скілько я Ивасика просыла в той приезд – зробы та зробы! А вин шо ж – завтра, мамо, завтра. Так и уехав...

– Расскажите мне про него. Какой он? – осторожно попросила Катя.

– Так шо ж – «какой»? – сдвинула генеральские брови баба Нюра. – Обыкновенный.

Она присела рядом с девочкой на кровать и подперла щеку загорелым кулаком.

– Красивый вин, Иван-то, спору нема. Волос у нёго кудрявый, светлый. Ты-то, мабуть, в мать пишла – чернявая? – кинула она взгляд на Катю. – А вин – не, билявый, – шо твий Сергей Есенин. Помню, у школе на выпускный справыла я ему костюм – сирый с голубой полоской. От гарный был! Все девки заглядывались. А шо толку? – вдруг горько добавила она.

– Как? – изумилась Катя. – Разве это плохо, когда сын красивый? Я думала, это счастье...

– Эх, дуряча башка, вся в папашу, видно. – Бабка Нюра несильно ткнула девочку костяшкой согнутого пальца в лоб. – Счастя, куда вжэ... Своих народишь, от и поймэш, якое от цих выроdkов счастья... Сначала ночей не спышь, выхаживаешь их вид хворей, последню копийку тратышь, шоб их накормыты повкуснее, та нарядить покраще, тревожишь, маешься. А воны... Пидросли – и тютю, поминай як звали! От, чужого дядька просить приходыться забор поправыты.

– А давно он с вами не живет? – спросила Катя.

– Так от, считай, як школу-то закинчыв, – сказала баба Нюра. – Сначала у Киев подався, учитыся. Так шо ж, дило хороше. Ума-то нэ займать ему було. Тилькы выперли его с третьего курса. Я корову продала, взятки носыла, шоб в армию не забрали дурачыну. Наче работать пишов, деньгу заколачував – в газете шось-то пысав. Так знов вожжа пид хвист – дай, говорыть, мамо, грошей, в Москву поиду учыться, куда я без образования. Ну, як нэ дашь? Ридное ж дытя... Поехав... Ото я бачу, много там навчился – як дитёв стругать та кыдать без батьки! Вернувся, в Харькове жил, та не пошло шо-то, додому вернувся, до мэнэ. И тут не

усидив. Бувало, выйду вечером у двир, дывлюся на дорогу и думаю: як вин там, чы живой? – Она сухо всхлипнула, утерла глаза рукой и добавила: – А мальцом ласковый був... Прибежить, бувало, с разбитым носом, в коленки ткнется – матуся, ты у меня самая найкраща! Эх, поганец, чорты б его взяли...

Катя, посмотрев на пригорюнившуюся бабу Ньюру, опустила глаза. Ей было жалко пожилую женщину, невольно в душе поднималась досада на отца: почему он уехал, бросил свою старую мать без помощи?

И в ту же секунду она вспомнила, что ведь и сама уехала, сбежала, даже не поставив мать в известность. Ведь наверняка ее мать, узнав о ее исчезновении, тоже будет называть ее неблагодарной эгоисткой... А что, если и ее отец, так же как и она, чувствовал себя в родной семье чужим? Что, если у него просто не было другого выбора, кроме как уехать?

И все-таки... все-таки ей было мучительно жаль эту суровую, грубоватую, а все же душевную и отзывчивую бабу Ньюру.

Все это было так сложно, слишком сложно для Катиной детской, не привыкшей задушиваться о таких вещах головы. «Увижусь с отцом, и он все мне объяснит, – решила она. – Все-все!»

Со двора вошел Григорий, натягивая футболку.

– Ну, принимай, баб Ньюра, работу! Поправил я тебе забор, сто лет теперь стоять будет.

– Сто лет мне нэ трэба, я стилькы нэ проживу. А як помру, так пусть все тут хоть к чортам провалыться, все равно никому нэ трэба, – сурово отозвалась бабка.

Она выглянула в окно, придирчиво оценила результат, затем, помягчев, обернулась к Григорию:

– Эх, хороший ты мужик, Гриня. На кой тоби в той Джанкой ехать? Оставався б у нас, я б тоби комнату выделила. Всэ б мэни, старий, допомага. Жинку б тоби подыскала добрую, не все ж бобылем ходыть. А шо сидел ты, так того нэ совестысь, у нас тут кажный второй с отсидки, нашим бабам то не помеха.

– Да зачем мне какая-то чужая баба, – отшутился Григорий. – Я б на тебе, баб Ньюра, женился. Ты и накормишь, и дом у тебя в порядке. Вот Катюху до места доставлю и вернусь женихаться. Примешь?

– Ну тэбэ, бесстыдник, – вдруг по-девчоночьи прыснула баба Ньюра и прикрыла смеющийся рот огрубевшей ладонью. – Ладно, пиду вечерять сберу, чи шо...

Через два дня от Катиной простуды не осталось и следа. Решено было выезжать в Днепропетровск следующим утром. Баба Ньюра, покряхтев, вытащила откуда-то из закров бумажку с адресом гражданской жены своего сына. На вопрос о номере телефона лишь сердито отмахнулась:

– А на кой мэни ти циферки? У меня у хати телефона сроду не було, а мобильники ваши – цэ я нэ понимаю. Кнопочки малэсэнкы, хйба ж я пальцем попаду? Не треба вин мэни, телефоно, от и номера нема.

Вечером, накануне отъезда, Кате не спалось.

Она выбралась из дома, на цыпочках прокравшись мимо грозно храпевшей во сне бабы Ньюры, и присела на крыльцо, прижимая к животу блокнот, в котором за время ее путешествия скопилось уже множество дяди-Гришиных рисунков. Адрес отца она переписала в этот же блокнот.

Черная жаркая ночь висела над деревней. Где-то вдалеке заливалась хриплым лаем собака. Спавший в будке позади дома Будька (баба Ньюра призналась им, что назвала его за крутые черные вихры в честь любимого киноперсонажа – Будулая) скреб во сне лапами и едва слышно ворчал. Звезды, бисером рассыпанные по черному бархату неба, удивленно

глядели вниз, на сжавшуюся на ступеньках чужого дома тощую девчонку с острыми коленками и круглыми воробьиными глазами. Терпко пахло разомлевыми после дневного пекла травами.

Шаркая тапками, на крыльцо вышел дядя Гриша, чиркнул спичкой, закуривая. Потом увидел Катю.

– Ты чего это, картинки, что ли, в темноте разглядываешь? Глаза испортишь!

– Не, – помотала она головой, – я их уже наизусть знаю.

За время ее болезни в блокноте успели поселиться суровая баба Нюра, раскорячившаяся посреди грядок, сосед-алкоголик Федька, просунувший опухшую похмельную морду между разошедшихся досок забора, семилетняя Наташка, стоявшая у калитки на одной ноге, другой же, босой, рассеянно почесывавшая коленку. Все рисунки были живые, мастерски сделанные, с тонко подмеченными деталями характеров.

– Дядь Гриш, – спросила Катя, – а ты где рисовать научился?

– Да, – отмахнулся он. – Это ж разве рисунки. Вот в детстве я когда-то рисовал... В кружок ходил в Доме пионеров, так мои работы, не поверишь, даже на выставке висели. Все мне говорили: тебе, мол, Гриша, в художественное училище прямая дорога, талант у тебя. Угу, дорога. – Он досадливо сплюнул. – Вон она как повернулась, моя дорога. От кичи до кичи. Я уж и забыл, как карандаш в руках держать, это для тебя только так... балуюсь...

– Ну и зря ты, – уверенно возразила девочка. – У тебя просто замечательные рисунки, мне очень нравятся. Я думаю, ты бы мог стать настоящим художником, к детским книжкам иллюстрации рисовать. К «Гарри Поттеру», например.

– Это чё за книжка такая? – удивился дядя Гриша. – Не слыхал... Видишь, хреновый из меня иллюстратор.

– Ну, к «Хоббиту»... – предложила Катя. – Тоже не слыхал? Ну, я не знаю... Ты сам в детстве какую книжку любил больше всего?

– «Тимур и его команда», – улыбнулся дядя Гриша. – Не читала? Да ты чё, Катюха, это такая книжка... Мы с пацанами в свое время, как начитались, сарай во дворе нашли, замок сорвали, хотели там тоже штаб устроить. Соседи, конечно, скандал подняли, ментов вызвали, все дела... Эх, и вот всю жизнь у меня так, все через жо... А ты говоришь – рисунки...

– Все равно, – убежденно возразила Катя. – Твои рисунки – самые лучшие. Их бы показать кому-нибудь...

– На хрена? – дернул худыми плечами Григорий. – Ничего уже не вернуть: вон она, жизнь, просвистела.

Он затаился папирсой, потом обернулся к Кате:

– А ты чего не спишь-то? Завтра рано подниматься...

– Да так... – буркнула она, разглядывая царапину на коленке.

Дядя Гриша, потоптавшись за ее спиной, присел рядом, спросил мягко:

– Волнуешься, что ли?

– Угу, – не глядя на него, кивнула она. – Понимаешь, он же меня с детства не видел. Может, думает, я така-а-ая выросла! А тут приедет: ни кожи, ни рожи, в школе тройки хватает. Ничего во мне особенного нету, интересного.

– Да ты что? – изумился дядя Гриша. – Хватит чушь-то молоть! Да он обрадуется, как я не знаю... Да если б ко мне...

– А с чего ему радоваться? – перебила Катя. – С чего ему вдруг меня любить? Меня и родная мать-то не очень...

– Дурочка ты, это точно, – сказал дядя Гриша. – Сама подумай: ты, чтоб его найти, такую дорогу проделала, не побоялась! Таких, как ты – смелых, упорных, отчаянных, – поискать еще. Эх, Катька, да если б у меня такая дочка, как ты, была, я бы...

Он осекся, смешался.

И Катя, стрельнув на него быстрыми глазами, ткнула лбом в его плечо:

– Ладно, дядь Гриш, пойдем спать. Как получится, так получится.

Утром баба Нюра проводила их до калитки, перекрестила на дорогу и вдруг коротко, неловко обняла Катю, притиснула к своей могучей груди. Сказала скороговоркой:

– Ты вже, Катюня, нэ забувай бабку-то, навещай хоть когда. Внучка ж ты мэни все ж, единственная.

И тут же, словно устыдившись собственной мягкости, отпихнула девочку, бросив:

– Ну, усе, усе, собрались, так ступайтэ. Чого тут сырость разводить?

Распрощавшись с бабой Нюрой, Катя и Григорий двинулись по уже знакомой пыльной дороге до железнодорожной станции.

На перроне дядя Гриша заметил газетный киоск, сказал Кате:

– Смотри-ка, тут и российские газеты есть. Куплю, хоть почитаю в дороге, что на родине делается.

Пока он расплачивался с продавщицей, Катя взяла с прилавка пахнущие типографской краской листки, развернула и тихо пискнула. С первой же страницы на нее глядела ее собственная фотография. В заметке сообщалось о пропаже девочки, Демидовой Екатерины, далее следовали год рождения и особые приметы.

Дядя Гриша, услышав ее возглас, обернулся к Кате:

– Ты чего? – и тоже уперся глазами в газетное объявление.

– Значит, мама вернулась, – прошелестела Катя. – Макс бы в жизни ей не сказал, что я пропала...

– Хорошие дела, – протянул дядя Гриша. – Это, выходит, нас по всей стране уже с собаками ищут...

Не сговариваясь, оба они покосились на дежурившего по станции милиционера в светлой летней форме. Тот отчего-то тоже настороженно поглядывал на странную пару на платформе.

– К нам идет, – одними губами выговорила Катя. – Бежим, дядь Гриш...

– Стой спокойно, – прошептал он. – Вон поезд подходит, успеем.

Мимо прогрохотали, останавливаясь, вагоны. Милиционер был все ближе.

К счастью, путь ему преградила какая-то неловкая дородная тетка, ковылявшая по перрону со множеством сумок, корзинок и баулов в руках. Поравнявшись с милиционером, она, как нарочно, выронила корзинку, по платформе запрыгали, разбегаясь, подернутые белым налетом сливы. Милиционер наступил на одну из них, поскользнулся, взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие. Выругался на тетку, и та, раззявив вымазанный красным рот, принялась истошно материть его на весь перрон. Лязгнули, открываясь, вагонные двери. Катя и дядя Гриша вскочили в поезд и протиснулись подальше в потную, жаркую толпу.

До самого Днепропетровска им не удавалось сказать друг другу ни слова – люди входили, выходили, толкались и оттесняли их все дальше и дальше друг от друга. Лишь выбравшись из вагона на нужной остановке, они снова смогли поговорить.

– Ну и подставила же ты меня, Катюха, – покачал головой дядя Гриша. – Что делать-то теперь? Нас первый же встречный мент сцапает. Возвращаться надо...

– Нельзя возвращаться, – замотала головой Катя. – На границе начнут документы проверять – и все.

– Это верно, – сумрачно кивнул дядя Гриша. – Куда ни кинь, везде подстава. Эх, чую, ждет меня опять дорога дальняя, казенный дом...

– Да ничего тебя не ждет! – запальчиво возразила Катя, стараясь подогреть собственную смелость.

– Дядь Гриш, ну посмотри: вот же мы, уже приехали! Осталось только по нужному адресу добраться. А там... там мой папа. Мы объясним ему все, и ты сразу уедешь. А с матерью, с милицией мы сами разберемся, без тебя. Пожалуйста, дядь Гриш, поедem скорее, пока еще какой-нибудь милиционер к нам не прицепился.

– Эх, Катюха, доведешь ты меня до цугундера, – покачал головой Григорий. – А, хрен с ним, как говорится – отступать некуда, за нами Москва! Пошли, что ли, такси возьмем, чтоб не светиться на улицах особо.

Катя равнодушно смотрела из окна такси на проплывающий за окнами незнакомый город, на улицы, деревья, дома. На раскинувшуюся далеко до горизонта спокойную реку, на новые высотные здания, шелестевшие усталой от жары листвой парки, чадающие трубы заводов и бьющие прямо в небо струи фонтанов.

Сколько их промелькнуло за последние дни перед ее глазами – новых чужих городов, дорог, людей!

До недавнего времени ее мир ограничивался лишь Москвой, с детства знакомыми улицами, давно надоевшим двором и – лишь изредка, во время нечастых поездок к морю – закрытым пляжем какого-нибудь отеля. И вдруг оказалось, что мир на самом деле огромен, что в нем есть совсем другие люди, проживающие свою, такую непонятную для нее, но в чем-то близкую и знакомую жизнь. Катя успела столько всего увидеть и узнать за эти несколько дней, что ей казалось, будто из дома она уехала много лет назад, будто все ее прежнее жите – холодность матери, обиды брата, тоска, одиночество, чувство, что ты совершенно никчемная, никому не нужная обуза для всех, – было не с ней, а с какой-то другой девочкой, намного младше и наивнее...

Такси привезло их по записанному в блокноте адресу.

Поднимаясь в лифте, Катя даже почти не чувствовала волнения. За эти дни она так устала ждать, надеяться, искать – и всякий раз обнаруживать, что таинственный отец успел уже снова куда-то исчезнуть, что теперь лишь напряженно ждала встречи, не испытывая страха перед неизвестностью.

На лестничной площадке Григорий нажал кнопку звонка, и Катя в последний момент все же шмыгнула за его спину.

Дверь распахнулась, на пороге стояла женщина лет тридцати пяти, миниатюрная, в больших дымчатых очках и почему-то совершенно мокрая. В русых волосах застряли капли воды, майка прилипла к телу, на белых шортах темнели мокрые пятна.

– Ой, наконец-то вы, – набросилась она на Григория. – Я уже не знала, что делать! Там настоящий фонтан, еще немного – и соседей затопит.

– Какой фонтан? – ошарашенно заморгал Григорий.

– Ну, я же вам говорила по телефону! – затараторила женщина. – Смеситель сорвало, я не могу перекрыть воду, потому что там вентиль... В общем, посмотрите сами! Пойдемте скорее.

– Я, собственно говоря, это... – неуверенно начал дядя Гриша. – Мы тут по делу...

Катя заметила, как обалдело и восхищенно он смотрит на облепленное мокрой одеждой стройное, красивое тело незнакомой женщины.

– Так вы не из ЖЭКа? – Она, кажется, только сейчас заметила Катю. – Ох, извините, а я подумала... тут, видите ли, авария...

В этот момент где-то в квартире что-то грохнуло, засвистела вырывающаяся наружу вода. Женщина ойкнула и бросилась на звук.

– Да давайте я посмотрю, чего уж... – пробормотал Григорий и ринулся за ней.

Катя потопталась на площадке, затем вошла в квартиру и прикрыла за собой дверь.

Из открытой настежь ванной комнаты доносились отрывистые голоса Григория и хозяйки квартиры. Катя заглянула осторожно, увидела их, мокрых, встрепанных, мечущихся в бьющих во все стороны струях воды.

– Ключ у вас есть? – выкрикнул Григорий.

– Ой, сейчас, – отозвалась женщина. – Где-то был, я найду...

– Подержите там! Ага, так-то, нас голыми руками не возьмешь.

– Осторожнее голову! Там полка еле держится!

Катя удивилась, как быстро они нашли общий язык. Кажется, уже понимали друг друга с полуслова, вместе там что-то закручивали, смеялись. Про нее все забыли.

Она прошлась по квартире, осторожно заглядывая в комнаты. Их было всего две, и Катя очень быстро поняла, что женщина живет одна – никакого намека на присутствие в квартире мужчины не было. Везде книжки, косметические баночки, небрежно брошенные чулки. В прихожей под вешалкой – только туфли и босоножки. Значит, она снова опоздала? Отец успел уехать уже и отсюда?

Девочка устало опустилась на диван. Она так далеко ехала, так долго сюда добиралась – и опять никого не нашла.

Зато дядя Гриша, кажется, нашел – вон как выставляется перед незнакомой теткой, мастер на все руки, тьфу!

А про Катю и думать забыл...

Григорий и хозяйка квартиры провозились в ванной почти два часа, чем-то гремели, грохотали, переговаривались, иногда сквозь плеск воды доносились взрывы их смеха. Наконец им удалось, кажется, победить строптивый кран, и они появились на пороге комнаты, оба мокрые с ног до головы и вымазанные ржавчиной.

– Спасибо вам, спасибо огромное, вы просто меня спасли, – горячо говорила Григорию женщина. – Вы представляете, я ведь в ЖЭК еще утром позвонила, и до сих пор не изволили появиться. Если бы не вы, я бы просто не знаю что делала.

– Да ну, что вы, Надя, в самом деле, – с деланным смущением отмахивался Григорий, но Катя заметила, что глаза его, похожие на кофейные зерна, так и сияли: рад был понравиться симпатичной тетке.

– Как неудобно получилось... – качала головой Надя. – Боже мой, вы весь мокрый! Я даже не знаю... Может быть... Может быть, я вам дам сейчас что-нибудь переодеться, а вашу одежду – в машинку? Это быстро, у меня с сушкой.

– Да не беспокойтесь вы, – широко улыбался Григорий.

– Но как же... вы же не можете на улицу в таком виде. Пойдемте, кажется, у меня осталось кое-что, что может вам подойти.

В соседней комнате Надя хлопала дверцей шкафа, потом Григорий уходил переодеться в ванную и наконец объявился снова – в чужих брюках и рубашке.

«Это, наверно, папины вещи», – ревниво подумала Катя.

То, что дядя Гриша облачился в одежду, некогда принадлежавшую ее отцу, показалось ей почему-то отвратительным, противоестественным.

– Ну вот и отлично, – улыбнулась ему Надя. – Я сейчас чаю сделаю, пока ваша одежда постирается.

– Вообще-то мы по делу пришли! – подала, наконец, голос Катя.

Надя обернулась, оглядела девочку. Кажется, она впервые вспомнила о ее существовании.

– Ой, боже мой, да что у меня с головой сегодня, – засмеялась она. – Это все этот проклятый кран. Я же вас даже не спросила, по какому вы вопросу.

– Нам нужен Горчаков Иван Алексеевич, мы к нему приехали. Издалека! – отрывисто бросила Катя.

Надежда почему-то помрачнела, уголки губ дрогнули:

– Так вы к Ване? Понятно. Только дело в том, что он здесь больше не живет. Уже с полгода. Мы... Как это говорится? Разошлись. Не сошлись характерами. А что у вас к нему? Что-то важное?

Катя замерла. А Григорий от ее слов, наоборот, как будто воспрял духом, приосанился и заговорил:

– Тут, видите ли, Надя, какое дело...

Катя и ахнуть не успела, как он уже выложил этой незнакомой Наде всю ее историю. И про мать, и про брата, и про давно потерянного отца, про все их приключения в эти несколько дней. Не упомянул только об объявлении, которое они увидели сегодня в газете. Девочке стало обидно, что такой чуткий и понимающий дядя Гриша вдруг вывалил все ее злоключения какой-то едва знакомой тетке. Она фыркнула и принялась смотреть в сторону.

Надя сняла очки, заморгала. Лицо ее сделалось какое-то незащитное, нежное. Она была симпатичная, эта Надя, Катя не могла этого не признать, но от этого прониклась к ней неприязнью еще больше.

– Гриша, какой вы молодец... – вдруг почему-то проговорила Надя. – Посторонний человек и так близко к сердцу приняли чужую беду. Даже не верится, что в наше время еще бывают такие люди...

– Да что там, – польщенно протянул Григорий.

Кате смертельно надоело смотреть, как они выделяются друг перед другом. Она спросила резко:

– У вас есть папин адрес? Дайте нам, пожалуйста, и мы пойдем.

– Ох, Катюша... – Надя присела перед ней на корточки, погладила по коленке.

Катя неприязненно дернулась в сторону.

– Конечно, адрес я дам, тут недалеко, он комнату снимает. Но дело в том, что... Знаешь, я думаю, лучше я сначала ему позвоню, объясню ситуацию. Это ведь непросто – вдруг встретиться со взрослой дочерью.

– Не надо ничего ему объяснять! – запальчиво возразила Катя. – Давайте адрес – и все!

– Ну, хорошо. – Надя продиктовала ей адрес, и Катя быстро записала его все в том же блокноте. – Но я все-таки сначала позвоню, узнаю хотя бы, дома ли он. Дело в том, что у него образ жизни такой... свободный. Он вполне мог и уехать куда-нибудь на несколько дней. Так что же, вы будете под дверью сидеть?

Надежда набрала номер на мобильном.

Катя вся сжалась, услышав доносившийся из трубки мужской голос – голос ее отца. Слов разобрать она не могла, только отдельные низкие бархатистые звуки.

– Ваня, у меня к тебе дело, – коротко начала Надя. – Нет... нет, это не по поводу издательства. Да, я все это знаю. Да, Ваня, я знаю, что ты взял аванс, а материал до сих пор не предоставил. К слову сказать, Пашук рвет и мечет. Но я сейчас не об этом. Ты дома? М-м, понятно. А когда будешь? Что так поздно? Ясно. Нет, ничего, просто тут один человек тебя разыскивает, ему очень нужно тебя повидать, я дала адрес. Нет, Ваня, это не по поводу тех денег, это совсем другой человек. Ну, сам все узнаешь, я передам, во сколько ты будешь. Пока.

Положив трубку, она обернулась к Кате:

– Видишь, как хорошо, что я сначала позвонила. Иван сегодня будет поздно, к одиннадцати. Не мотаться же вам по улицам весь вечер. Посидите пока у меня, а к одиннадцати часам подойдете.

– Спасибо, Надя, но, может, мы мешаем? Может, у вас дела есть? – заговорил дядя Гриша, хотя Катя видела, что он отчаянно рад сложившемуся положению.

– Ничем вы мне не мешаете, сейчас чай будем пить, – отрезала Надя. – Идемте, можете мне!

Этот вечер тянулся, казалось, бесконечно. Надя и дядя Гриша щебетали, как влюбленные птички. Катя морщилась, хмыкала, томила, в сотый раз перелистывала блокнот с рисунками.

– А вы, Гриша, вообще чем занимаетесь? Кроме того, что спасаете одиноких женщин от наводнения? – спрашивала Надя.

– Я... ну, как-то это... всем понемногу, – увиливал от ответа дядя Гриша. – Рисую, вот... Катюха, покажи!

Она неохотно протянула Надежде блокнот, та перелистнула страницы и ахнула:

– Боже мой, Григорий, да вы настоящий художник! Вас-то мне и надо! Послушайте, я в издательстве работаю, редактором в отделе детской литературы. У нас сейчас как раз штатный художник уволился, очень ищем нового на замену. Вы не интересуетесь?

– Да я как бы... я тут проездом вообще-то... – замялся Григорий.

– Жаль, – сокрушенно покачала головой Надя. – Но вы все-таки подумайте...

«Интересно, как бы ты запела, если б узнала, сколько раз дядя Гриша сидел», – угрюмо подумала Катя и вышла из комнаты. Ей ужасно надоело слушать их болтовню, время тянулось невыносимо медленно.

Она прошла в другую комнату, вошла с ногами на подоконник.

«И почему только взрослые, когда влюбляются, становятся такими идиотами? – думала девочка, чертя пальцем по стеклу. – Ничего вокруг себя не видят, обо всем забывают. Сколько раз мать, познакомившись с каким-нибудь новым ухажером, забывала прийти к ней в школу на выступление! А Макс? Выставил ее из квартиры ради какой-то блондинистой девицы. Теперь вот и дядя Гриша ее предал...»

Катя сухо всхлипнула, разозлилась на саму себя, спрыгнула с подоконника и улеглась на кровати, свернувшись в узел.

«Так и буду тут лежать, пока не умру, – решила она. – И пусть там милуются, сколько влезет. Что это там у них? Музыка? Танцуют, что ли? Вот дебилы!»

Она и не заметила, как задремала.

А когда проснулась, в квартире было темно и тихо. Катя спрыгнула с кровати, на цыпочках вышла в коридор и, приоткрыв дверь, заглянула в другую комнату. Поморгала, дожидаясь, чтобы глаза привыкли к темноте, и наконец смогла разглядеть в глубине, на разложенном диване, седой затылок дяди Гриши и рядом – белое плечо Нади.

Вот оно что, значит.

Хорошо еще, что она вовремя уснула, не то дядя Гриша, пожалуй, схватил бы ее за шкуру и, бешено пытая, выкинул на лестничную клетку. Как Макс тогда...

Катя сжала зубы, вдавила ногти в ладони, чтобы не закричать, не заплакать от такого чудовищного предательства. Она так долго ехала к отцу, так мечтала...

А этот гад даже не разбудил ее вовремя, чтобы не мешала заниматься какими-то гадостями с посторонней теткой.

Ну ничего, она ему еще покажет!

«Я рисую, я художник...»

Только утра дожидаться, а там уж она расскажет этой Наде кое-что интересное про ее нового любовника!

Этой ночью Катя почти не спала, ворочалась, прислушивалась. Задремала лишь под утро и сразу же проснулась, услышав, что кто-то ходит по кухне. Быстро натянув уже потрепанные за дорогу джинсовые шорты и футболку, она вышла из комнаты. В кухне заспан-

ная Надя в тонком шелковом халате с переплетающимися по черному фону белыми ветками готовила завтрак. Дядя Гриша, видимо, еще не вставал.

– Проснулась, Катюша? – обернулась к ней Надя.

Катя скривилась – надо же, «Катюша», как подлизывается...

– Ты чего подскочила в такую рань? – продолжала Надя. – Волнуешься? Ты вчера уснула, и мы решили тебя не будить. Все-таки, наверно, лучше тебе встретиться с Иваном на свежую голову. Он такой человек, понимаешь, м-м-м... сложный. Может с первого взгляда показаться циничным, бесчувственным, что ли. На самом деле, конечно, он не такой, – тонко чувствующий, ранимый... – Она замялась. – По крайней мере, мне всегда хотелось в это верить.

– Да вы не распинаятесь так, – вдруг выпалила Катя. – Мне вообще-то наплевать на этого вашего бывшего с высокой колокольни. Никакой он мне не отец.

– Как – не отец? – ахнула Надя.

Она машинально сняла очки, покрутила их за дужку.

Катя стащила со стола кусок хлеба, откусила корочку и, жуя, с усмешкой бросила:

– А вы и повелись, да? Здорово мы с дядей Гришей вас развели? Мы с ним вместе эту трогательную фигню сочинили – про потерянного папу.

– Но... зачем?

Надины длинные ресницы задрожали, и Кате показалось, что она вот-вот заплачет.

«Так тебе и надо!» – с мстительной радостью подумала она.

– Зачем-зачем, – грубо передразнила она. – Вам Гриша наплел всякого, что художник он, а вы и уши развесили. Никакой он не художник, уголовник он, ясно вам? Как там это называется? Вор на доверии, вот! А я ему помогаю одиноких лохушек вроде вас разводить. Слезу пушу, глазами похлопаю, они нас в квартиру-то сразу и впускают.

– Я тебе не верю, – замотала головой Надя. – Как же... Этого не может быть! Ведь ты назвала его фамилию – Горчаков.

– Ну и что? – на ходу сочиняла Катя. – Фамилию я в вашем телефоне посмотрела, пока вы с Гришей в ванной возились. Чего тут сложного? Ну, верить или не верить – это ваше дело, а ценные вещи и деньги я б все же проверила, на всякий случай. – Она медленно растянула губы в улыбке.

На Надю жалко было смотреть. Лицо ее помертвело, пальцы нервно теребили пояс халата.

– Зачем... – глухо выговорила она. – Зачем же ты мне все это теперь рассказываешь?

– А жалко вас стало, – объяснила Катя. – Все-таки вы не такая, как другие, добрая... Ну, и решила вам помочь.

– Уходите отсюда, – тихо, но твердо процедила Надя. – Вон! Немедленно! Я не буду вызывать милицию, ничего вам не сделаю, просто уходите. Видеть вас не хочу больше!

– Ладно, ладно, – закивала Катя. – Я пошла, подожду на улице, вы с дядей Гришей уж сами разберитесь. Да не расстраивайтесь вы так, зато урок вам будет: не тащить в постель первых встречных мужиков.

Надя дернулась, как от пощечины, и просипела снова:

– Пошла вон!

Катя вышла из кухни, сунула ноги в сандалии и поспешно сбежала вниз по лестнице. Григория она решила подождать во дворе, на скамейке. Он вылетел уже через пятнадцать минут, красный, взбешенный. Сразу набросился на Катю:

– Ты что? Что ты ей сказала?

– Правду! – бросила она. – Что ты никакой не художник, а вор!

– Ах ты, паршивка! – прохрипел он ей в лицо. – Но зачем?

Он схватил ее за грудки и слегка встряхнул.

– Руки убери! – проговорила Катя. – Сам же меня учил, как отбиваться. Зачем? А зачем ты с ней весь вечер околачивался? Сам обещал меня к отцу отвезти, а как увидел первую смазливую тетку, так сразу все забыл!

– Дура! – выкрикнул Григорий. – Я, может, первый раз в жизни человека встретил, а ты...

– И что, не мог подождать со своим человеком? Надо было сразу к ней в кровать лезть, а на меня наплевать, да? Я так мечтала, так долго ехала сюда! Меня отец ждет! А я должна сидеть там, в квартире, и смотреть, как вы...

– Никто тебя не ждет! – вдруг жестко сказал, как выплюнул, Григорий. – Отцу своему ты на хрен не сдалась! Если мужик хочет общаться со своим ребенком, никто ему не мешает, ясно тебе? А если он про тебя десять лет не вспоминал, так, значит, и не больно надо ему было. А ты вокруг себя ничего не видишь, только о себе и думаешь... Я для тебя, а ты...

– Пусти меня! – всхлипнув, рванулась Катя. – Пусти, гад! Ты все врешь! Он меня любит, любит, ясно тебе? Он ждет меня. А ты... Проваливай отсюда, видеть тебя не могу!

Она наконец вырвалась и побежала, не разбирая дороги, отчаянно глотая рвавший легкие воздух. Едва успела отпрыгнуть от поворачивавшей во двор машины, зацепилась футболкой за кусты, обдавшие ее дождем холодной росы. В груди было так больно, словно ее проткнули насквозь. Ветер бил в лицо, и слезы не катились по щекам вниз, а бежали куда-то в стороны, к вискам.

– Стой! – услышала она за спиной дяди-Гришин окрик. – Ну стой же ты, малахольная!

Катя побежала быстрее, но он настиг ее, дернул за футболку. Ее рвануло назад, потом вперед. С размаху она впечаталась в его грудь, ударилась лбом о плечо. Закричала, заплакала уже навзрыд. Дядя Гриша обнял ее одной рукой, другой гладил по волосам, приговаривал:

– Ну, тише, тише, что ты, маленькая моя... Ну, прости ты меня, дурака, я со зла сказал. Ну, хочешь я самому себе по роже дам, за то, что тебя обидел, а? Сам думал: никому тебя в обиду не дам, и вот же...

– И ты меня прости, дядь Гриш, – всхлипнула Катя. – Что я этой Наде наговорила всякого... Мне просто так обидно было, что ты про меня забыл. Я думала, ты меня предал...

– Ну что ты, дурочка, – тепло улыбнулся он. – Вот специально тащился с тобой в такую даль, чтобы тут тебя предать. Сочиняешь тоже... Ну, чего теперь говорить-то. Пойдем, что ли? Адрес-то у тебя, блокнот не забыла?

– Здесь он, – Катя, вытирая глаза, кивнула на болтавшийся за спиной рюкзак. – Я с ним не расстанусь теперь. Он... про всю мою жизнь, понимаешь?

– Понимаю... – кивнул Гриша. – Ну, пошли. Теперь уж вроде адрес верный должен быть.

В начинавшем просыпаться утреннем городе пахло речной водой, солнцем, асфальтом. Над головой мягко шелестели разлапистыми листьями каштаны. Катя и дядя Гриша отыскали дом, указанный в адресе, который дала им Надя.

Катя на секунду замерла у обитой черным дерматином входной двери в квартиру.

Неужели вот он – конечный пункт ее поисков? Неужели сейчас ее обнимет ее отец – тот человек, что поднимал ее на руках к потолку, тот, что написал в письме «поцелуй маленькую доченьку»?

Григорий нажал на кнопку звонка.

Птичья трель разнеслась по сонной квартире. Не открывали долго. Они позвонили еще раз. Наконец за дверью послышались шаркающие шаги и недовольный голос просипел:

– Ну, шас, шас... Кого там принесло в такую рань?

Катя почти перестала дышать.

Дверь распахнулась – и на пороге появился заспанный мужчина, распространявший вокруг себя запах перегара. Он стоял перед ними в трусах и небрежно накинутой на плечи расстегнутой рубашке, босиком, и пытался справиться с зевотой. Худой, даже, пожалуй, subtilный, но с намечающимся дряблым брюшком. Черты лица – как у постаревшего мальчика, задорные, озорные, но какие-то поплывшие. Отросшие светлые волосы мягкими волнами спускались вдоль небритых щек. Мужчина машинально сгреб их рукой на затылке и стянул аптечной резинкой. Катя так и впилась в него глазами.

– Здрасьте, – просипел он, взглянув на Григория. – Вы от Виталика, по поводу долга? Ну, я же ему сказал, что отдам, как только получу за материал...

– Нет, мы по другому вопросу, – покачал головой Григорий.

– Мы? – Он, кажется, только сейчас заметил Катю, вгляделся в нее. Катя вся сжалась под его взглядом, судорожно прикусила нижнюю губу. – А-а, я понял. Вы по поводу этого интервью с юным дарованием, да? Слушайте, мне страшно неудобно, а мы разве на сегодня договаривались?

– Да не, вы не поняли опять... – начал Григорий.

– Так ты не эта, как там ее, не пианистка? – спросил Катю Горчаков. – Странно, а чё ж мне лицо твоё знакомо? Я думал, из материалов... Так чем обязан тогда?

– Мы по личному вопросу, – нашелся, наконец, Григорий. – Можно мы пройдем?

– По личному? – хохотнул Горчаков. – Еще того не легче с утра. Что, я опять кому-то задолжал? Или кто-то беременный? Не ты, надеюсь?

Он отступил в темную прихожую.

Катя вошла вслед за ним, споткнулась о попавшуюся под ноги пустую бутылку. Дядя Гриша удержал ее за локоть, чтоб не упала.

В квартире пахло застоявшимся сигаретным дымом. В прихожей на вешалке грудой навалена была одежда – зимняя куртка, ветровка, кепка, в углу заляпанные давно присохшей грязью ботинки, там же – летние шлепанцы.

– Пошли на кухню? – предложил Иван. – А то там, в комнате, бардак.

На кухонном столе вперемешку валялись музыкальные диски, крышки от винных бутылок, колбасные обрезки. Иван, помедлив минуту, не глядя сгреб все это в полиэтиленовый пакет и сунул его куда-то в угол.

– Ну, так, что там у вас за дело? – обернулся он к пришедшим.

Катя присела к столу, напряженными ладонями машинально погладила его поверхность, словно пытаясь стереть царапины, и едвадвигающимися губами выговорила:

– Вы помните Люду? Людмилу Демидову?

– Кого? – Иван наморщил лоб, поскреб пальцами в щетине на подбородке. – А кто это?

Он опустил на табуретку, рубаха распахнулась, обнажив бледный мягкий живот. Катя, подавшись вперед, всматривалась в его лицо, стараясь разглядеть признаки узнавания.

– Людмилу, Люсю... Вы были с ней знакомы в Москве, двенадцать лет назад.

– В Москве... – Горчаков сдвинул выцветшие брови. – Так это когда было... А-а-а, погоди. Это страшненькая такая? Гримерша, да? Слу-ушай, вспомнил. Мы на съемках познакомились. Меня как раз из института поперли, в очередной раз, – он сипло засмеялся. – Я ассистентом режиссера на киносъемке устроился, думал: покручусь, познакомлюсь там с кем надо, сценарий свой продвинуть смогу.

– И как? – отчего-то мрачно спросил дядя Гриша. – Продвинул?

– Ага, щас, – фыркнул Иван. – Там знаешь какой гадюшник? Если ты баба, еще можно изловчиться, дать кому надо, а если мужик, да еще не педик – пиши пропало. Сидят там, жопы бездарные, за свои места держатся и никого нового к себе на лимп не пустят. Дохлая номер...

– Да подождите вы! – отчаянно перебила Катя. – Я спросила про Люсю, вы ее вспомнили?

– А как же! – осклабился Иван. – Такую подставу разве забудешь? – Он обернулся к Григорию: – Тебе расскажу, как мужик мужику. А ты, девочка, не слушай. Уши заткни, ага. Втрескалась в меня эта Люся как кошка. Ну, случилось у нас пару раз чего, по пьяни. А она мне потом – пузом об стол, я, мол, беременна. Я говорю: Люся, мои соболезнования, конечно, но я-то тут при чем? Ты иди свое пузо еще половине съемочной группы предъяви. А она – подонок, у меня, кроме тебя, никого не было! Ну да, как же. Но я все же не последний мудака, предложил ей деньгами помочь на аборт, а она мне – по морде.

– И что дальше? Больше ты ее не видел? – спросил дядя Гриша. Глаза его нехорошо сузились.

– А хрен его знает, – задумчиво протянул Иван. – А, не, погоди: я еще останавливался у нее через пару лет – был в Москве по делу, перекантоваться надо было. Она тогда все же родила, как оказалось. Девчонка смешная такая была, черноглазая. Я ж говорил, что не мой это ребенок, у меня-то глаза голубые, во! – Он, словно в доказательство, вытаращил действительно бледно-голубые, размытые какие-то глаза.

– Зачем же вы написали письмо? – шепотом выговорила Катя. – Зачем вы написали: «Поцелуй маленькую дочку...»?

Трясущимися пальцами она протянула ему конверт.

Иван, прищурившись, пробежал глазами листок, пожевал губами, дернул плечами:

– Это я писал, сто пудов. А зачем... А хрен знает, не помню. Наверно, депресняк какой-нибудь накрыл под Новый год. А может, под кайфом был... Постой, а у тебя это откуда? – он снова уставился на Катю.

– Я ее дочь, – тихо сказала она. – Дочь Люси Демидовой, Катя...

Иван крикнул от неожиданности.

– Так ты – та девчонка, блин? Люсиная дочка? Точно, кажется, ее Катей звали... Блин, вот засада. Неудобно получилось, ну извини, я ж не знал. Так ты это, погоди, приехала, типа, к отцу? – Он обескураженно хмыкнул. – А зачем? Алименты, что ли, оптом за двенадцать лет получить? – хохотнул он.

– Познакомиться, – шепотом произнесла Катя.

– А-а, – протянул Иван. – Эт конечно. Ну, как там говорится, я очень рад. Жаль, не предупредила, я бы встретил... А кстати, как ты меня нашла-то?

– Не важно, – махнула рукой Катя. – Теперь – не важно.

– М-м, ну а как там Люська? – Иван явно не знал, о чем разговаривать с этой вдруг откуда ни возьмись объявившейся девчонкой. – Замуж-то вышла? Вот это, – он кивнул на Григория, – ее новый супруг, наверно? Или, может, она тебя сватать меня отправила? А что, я не против. Тут у меня одни обломы, может, еще раз в Москве попробую на старости лет. – Он фыркнул.

– Нет, мама... Мама не знает, что я к вам поехала, – покачала головой Катя.

– Это как – не знает? – нахмурился Иван. – А ты каким манером здесь тогда? А это кто с тобой?

– Не твое дело, – буркнул Григорий. – Пойдем, Катя, нечего нам тут больше...

– Погодите-ка, я вспомнил, – Иван хлопнул себя ладонью по лбу. – Вспомнил, где я тебя видел! Вчера заметку в газете перепечатывали – пропала девочка... Ну, точно, Демидова Екатерина. А ты... ты в курсе вообще, что тебя милиция ищет?

– В курсе, – пробормотала Катя. – Я думала, доберусь до вас... И мы вместе маме все объясним... И милиции тоже...

– А-а, понял-понял, это конечно. Объясним милиции, угу, – кивнул Иван.

И, воровато покосившись на Григория, вдруг неестественно широко улыбнулся и поднялся из-за стола:

– Нехорошо сидим как-то, не по-русски. Такая встреча, а мне вас даже угостить нечем. Вы давайте, располагайтесь пока, а я ща – в магазин. Поднимем, так сказать, бокалы за историческую встречу. Ну, мы с тобой, – обернулся он к Григорию, – поднимем, а детям – мороженое, как положено.

Он суетливо заторопился, выскочил из кухни.

Григорий посмотрел на поникшую Катю, на ее опущенную голову.

– Дядя Гриша, я дура, да? – прошептала она.

– Ну-ну, что ты, Катюха! – Он положил ей ладонь на затылок. – Ты... ты просто...

В дверном проеме снова возник Иван Горчаков, на этот раз уже в застегнутой рубашке и голубых, не совсем свежих джинсах.

– Я ща, – снова коротко пообещал он. – Я это... дверь закрою, чтоб вы тут... ну, мало ли чё... Ща буду, три минуты.

Он заспешил к выходу.

Дядя Гриша вдруг молнией слетел с табуретки, метнулся в прихожую и сгреб Ивана за грудки.

– Ты куда это так торопишься? – процедил он сквозь зубы. – Сдать нас хочешь, сучонок, а?

– Пусти, руки убери, – вдруг по-бабьи истерично заголосил Иван. – А ты как думал, я за ваши дела под статью должен идти? Это похищение несовершеннолетней, ты в курсе? На хрен мне это надо, я девку эту впервые вижу. А скажут, будто я нарочно ее заманил и тут удерживал. Еще и педофилию какую-нибудь приплетут, щас это модно!

– Ах ты, гаденыш вонючий, – как-то даже ласково протянул дядя Гриша.

– Слушай, слушай, – быстро зашептал ему Горчаков. – Я тебя понимаю, кому ж охота из-за ссыкухи какой-то в ментовку попадать. Давай так... Давай вместе пойдем, а ее тут закроем. Скажем – ты сосед мой. Я тебя не заложу, честно! Только пусти, а?

Григорий, слушая его, медленно кивал каким-то своим мыслям. Рот его кривился болезненной усмешкой. Когда Иван закончил, он проговорил:

– А чё, нормально придумал, ага. Дельно!

И, коротко размахнувшись, вдруг влепил Ивану маленьким вертким кулаком в зубы. Тот, завыв, повалился на пол, плюясь кровью и понося дядю Гришу и Катю на разные лады. Катя, выбежав в коридор, попятилась к стене, брезгливо разглядывая корчившегося у ее ног мужчину.

– Ну, вот и познакомились, – подытожил Григорий. – Пойдем, Катюха, пока эта гнида еще какой гениальный план не придумала.

Вместе они сбежали вниз по лестнице. Катя прижимала к животу рюкзак.

Выскочили на улицу. Дядя Гриша давал короткие указания:

– Давай налево, быстрее, чтоб он из окна заметить не мог, куда мы пошли.

– Думаешь, он позвонит в милицию? – на бегу спросила Катя.

– А то! По-любому перестраховаться надо.

Они петляли по улицам, сворачивали в проходные дворы, мелькали мимо переулки, арки, подворотни, детские площадки, зеленые кусты, стоянки машин, дома, скверы...

У Кати кружилась голова, в ушах шумело.

«Вот и все! – отзывалось где-то в голове. – Я нашла отца. Нашла и... потеряла. Ничего не осталось, ничего...»

Было даже не больно.

Просто как будто где-то в груди образовалась пустота, сквозное отверстие, в котором свистит, вырываясь, ветер. И холодно от него, очень холодно.

Катя вдруг остановилась, словно устав от этого бесконечного, бессмысленного бега. Прижалась спиной к стене какого-то незнакомого дома, задышала ровно.

– Ты что? – потянул ее за руку Григорий. – Катюша, милая, что ты! Надо идти, смыться куда-нибудь из города. Он нас заложит, точно тебе говорю – побоится, что соучастником по делу пройдет.

– А ты... – медленно спросила Катя, поднимая на него глаза. – Ты не боишься?

– Я-то... – Дядя Гриша сплюнул сквозь зубы, махнул рукой: – Да чего уж там... первый раз, что ли? – Он невесело усмехнулся.

«Какое родное стало у него лицо... – думала Катя. – Худое, изможденное, эти глубокие морщины вдоль щек, глаза, как кофейные зерна, печальные и понимающие... Дядя Гриша, милый, родной мой! И как только я могла подумать, что ничего у меня не осталось?»

– Дядя Гриша, – тихо произнесла она. – Я сама пойду в милицию.

– Ты чего это? Чего ты удумала? – изумился он.

– Подожди! – Катя взяла его за руку. – Послушай меня! Нас все равно поймут, рано или поздно. А я не хочу, чтобы из-за меня... Дядя Гриша, я пойду к ним и скажу, что поссорилась с братом, взяла деньги и поехала искать отца. Сама. Они ничего мне не сделают, просто вернут домой – и все. А ты – уходи! Уходи, дядечка Гриша, пожалуйста.

– А ты? – замотал головой он. – Как ты с ними будешь опять? С матерью? С Максом?

– Ничего, – улыбнулась сквозь слезы Катя. – Я теперь ничего не боюсь. И драться ты меня научил. Пусть только попробуют теперь меня обидеть!

– Катюха, – пробормотал он. – Да как же это...

– погоди, дядь Гриш. – Катя старалась говорить сдержанно, по-деловому. – Я тебе еще сказать хотела. Не ездь ты в Джанкой к корешу, а? А то опять куда-нибудь влипнешь. Ты возвращайся к Наде, объясни ей все. Скажи, что наврала я. Газету с объявлением покажи, она поверит. Она хорошая, правда, я сразу это почувствовала. Потому и бесилась так. Ты, дядь Гриш, держись за нее! И рисовать не бросай, хорошо? Пообещай мне, а то не отстану! Обещаешь?

– Обещаю! – сдавленно проговорил Григорий. – Катька, неужто расстаемся мы? Как же все получилось-то так... Ох, голова ты моя бедовая. И отца так и не нашла настоящего...

Катя, сглотнув, сказала вдруг:

– Нашла, дядя Гриша, нашла! – Подалась к нему и обхватила тоненькими руками за шею.

Мать тискала ее, целовала, плакала, ругала, снова целовала. Как только им удалось наконец разобраться с милицией и остаться вдвоем в гостиничном номере в Днепропетровске, мать приступила с расспросами.

– Ты почему все мне не объяснила? Я бы приехала, я бы этому болвану надавала по шее, – твердила она.

– Я пыталась, – пожала плечами Катя.

– Ох, Катька, Катька, – вздыхала мать. – Выпороть бы тебя... И братца твоего заодно. Ну, ничего: я его наркологу сдала, пусть сделает из него человека.

– Пускай попробует, – хмыкнула Катя.

– А... Иван? – осторожно спросила мать. – Ты нашла его? Видела?

– Видела, – сумрачно кивнула Катя. – Лучше бы не видела...

– А я тебе что говорила? – с видом победителя вздернула подбородок мать. – Что, убедилась теперь, что больше матери никто тебя любить не будет?

Катя, не желая отвечать, коротко передернула плечами и с хрустом откусила яблоко.

В тот же вечер они вылетали в Москву.

В самолете, прижавшись носом к круглому холодному стеклу иллюминатора, Катя смотрела на остававшуюся далеко внизу землю. На огни городов, голубые ленточки рек, ровные квадраты полей, сплетающиеся паутины дорог...

Мир лежал внизу огромный!

И больше не страшный.

Теперь она знала, что везде есть люди – такие же, как она, или другие. И хороших среди них все же больше, чем плохих.

Где-то там остался лысеющий Миша. Катя надеялась, что он все же помирился с женой и сейчас они вместе затаскивают обратно в квартиру совместно нажитые вещи. Где-то смотрит на закат, приставив черную от загара руку козырьком к глазам, баба Нюра. Нужно будет обязательно написать ей, а на осенних каникулах – приехать. Иван Алексеевич Горчаков, должно быть, уже забыл о своей недавней гостье и вынашивает какой-нибудь очередной сногшибательный план – как стать знаменитым. И черт с ним: пускай на этот раз у него все получится, все-таки жалко его!

А дядя Гриша, наверное, уже помирился с Надей – и у них все хорошо. Так должно быть, а иначе будет просто нечестно...

Самолет поднимался все выше.

Закатное оранжевое солнце слепило глаза, и по Катиным щекам бежали слезы.

Мать искоса поглядывала на нее, но допрашивать свою блудную, так сильно повзрослевшую за эти несколько недель дочь не решалась.

Она и дома первое время держалась с Катей чутко и ласково. Старалась лишний раз не задевать дочь, не обидеть ненароком резким словом. Каждый день старательно, словно выполняя ответственное задание, выслушивала все, что у Кати произошло в течение дня. Она очень старалась быть хорошей, внимательной, понимающей, чуткой, доброй и мудрой матерью. Катя понимала это и была ей благодарна хотя бы за попытку.

Время шло.

И все возвращалось на круги своя.

Макс, первое время присмиривший после курса лечения, снова начал пропадать вечерами и злобно зыркать на сестру...

Катя часто вспоминала дядю Гришу, иногда поднималась на двенадцатый этаж и прислушивалась, нет ли звуков за знакомой дверью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.